

МАЯКЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Джекъ — пожарная собака. Повѣсть. *Л. Ф. Весельгофтъ.*

Лѣтняя берлога Михаила Ивановича Топтыгина. *В. Лонга.*

Одинъ день. Разсказъ. *С. Н. Дурылина.*

Однажды зимою. Очеркъ. *П. В. Кроткова.*

Чайка. Стихотвореніе. *О. Жукъ.*

Герои морскихъ береговъ. Повѣсть. *О. Хорна.*

Въ саду и въ комнатѣ. *Е. Ельмановой.*

Шарада. *С. П.*

ДЛЯ МАЛЕНЬКИХЪ.

Колючій воришка. *Е. Горбуновой.*

Иква, эскимосскій мальчикъ.

.....

Въ текстѣ помѣщено 55 рисунковъ.

.....

ВТОРОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ.

Какъ переплестать книги безъ переплетныхъ инструментовъ. *А. Архангельскаго.*

(Съ 5 рисунками).

№ 2.

Ежемѣсячное изданіе для дѣтей подъ редакціей
И. Горбунова-Посадова.

10-577

Государственная
ордена Ленина
Библиотека СССР
им. В. И. Ленина

n-1582-49

Джекъ — пожарная собака.

П О В Ъ С Т Ъ .

Г Л А В А I.

Въ одной изъ возвышенныхъ частей города въ аккумулятивномъ кирпичномъ зданіи стояла пожарная машина № 33. Мѣдь на машинѣ блестѣла такъ ярко, что въ ней отражались всѣ окружающіе предметы. Ни пылинки не было на ней. Чистенькая, хорошо смазанная, каждый день тщательно осматриваемая машина готова была каждую минуту работать.

Тутъ же около машины висѣла и сбруя для лошадей. Стоило только одному человѣку поставить передъ машиной лошадей, какъ другой ужъ надѣвалъ на нихъ сбрую.

Вездѣ въ зданіи была чистота необыкновенная: все было выметено, вычищено, вымыто. Рядомъ съ машиной въ своихъ стойлахъ стояли три огромныхъ, сѣрыхъ, въ яблокахъ, лошади, сытыхъ, хорошо выхоженныхъ, готовыхъ и привычныхъ уже по звуку колокола выходить, становиться передъ машиной и спокойно ожидать, пока на нихъ надѣнутъ сбрую, чтобы потомъ бодро, весело, энергично мчаться туда, куда будутъ править ими.

Всѣ мальчишки и дѣвочки, жившіе неподалеку отъ этой пожарной части, часто любовались на машину, на лошадей, на пожарныхъ въ ихъ блестящихъ мѣдныхъ каскахъ и глубоко были увѣрены въ томъ, что лучше этой машины въ городѣ нѣтъ. И первой всегда она

пріѣзжала на пожаръ, и выше другихъ подавала струю воды. Одинъ мальчикъ сочинилъ даже про эту машину стихи.

Но не одни окрестныя дѣти гордились этой машиной и думали, что другой такой не сыскать, — точно такъ же думала и пожарная собака—Джекъ. Да и какъ могло быть иначе? Вѣдь это же была ея, — понимаете ли?—ея собственная машина. Джекъ жилъ тутъ же, при части, и отправлялся на каждый пожаръ вмѣстѣ съ машиной. Никогда не смѣлъ онъ отлучиться далеко отъ пожарной части, и какъ только ударить колоколь тревогу, онъ тутъ какъ тутъ. И какъ же Джекъ бѣшено мчался, когда, бывало, услышитъ тревогу! Въ этихъ случаяхъ для него не существовало препятствій.

Иногда зимой пожарные запрягали Джека въ маленькія салазки, и онъ привозилъ въ нихъ соль, которую посыпали около обмерзавшихъ водяныхъ крановъ, чтобы не было никакой помѣхи въ случаѣ надобности пользоваться ими.

Джекъ не былъ породистой собакой и вообще не получилъ воспитанія. Это была простая дворняжка, но большая, сильная, крѣпкая, съ бѣлой шерстью, усѣянной крупными черными пятнами. Но, впрочемъ, тѣмъ, кто зналъ Джека, никогда не приходило въ голову интересоваться, породистый онъ или нѣтъ, получилъ ли онъ хорошее воспитаніе или нѣтъ. Всѣ знавшіе любили его за его умъ и доброту. И окрестныя дѣти такъ же гордились Джекомъ, какъ гордились своей машиной № 33.

Былъ холодный зимній вечеръ. Весь день дулъ рѣзкій холодный вѣтеръ, подхватывая и разнося кругомъ снѣжинки. Наконецъ и вѣтеръ и снѣгъ усилились до такой степени, что трудно было опредѣлить, шель снѣгъ или нѣтъ,—все, казалось, было наполнено снѣгомъ, вездѣ онъ забирался. Къ ночи вѣтеръ сталъ утихать, и чѣмъ тише становился вѣтеръ, тѣмъ становилось холоднѣе. Часамъ къ восьми вечера морозъ былъ уже градусовъ 10.

Жутко въ такую погоду выйти на дворъ. А въ пожарномъ зданіи такъ хорошо и уютно! Въ нижнемъ

этажѣ стоитъ машина № 33, ярко сіяющая своей очищенной мѣдью. Лошадямъ такъ тепло и уютно въ ихъ стойлахъ, и онѣ тихо и задумчиво стоятъ и спокойно жуютъ свою дачу овса, — развѣ изрѣдка какая-нибудь изъ нихъ нарушитъ эту мирную тишину, стукнувъ копытомъ о полъ, перемѣняя ногу, или шумно начнетъ тереться о стѣну.

Такъ же мирно и спокойно и въ комнатѣ наверху, гдѣ собрались всѣ пожарные. Нѣкоторые изъ нихъ читаютъ, другіе тихо разговариваютъ. А одинъ молодой пожарный заставляетъ Джека продѣлывать свои фокусы, а Джекъ знаетъ ихъ не мало.

Только-что Джекъ сказалъ, при какой машинѣ онъ состоитъ. Разумѣется, сказалъ онъ это не словами, потому что Джекъ не умѣетъ говорить человеческимъ языкомъ. Когда его спрашиваютъ, при какой онъ состоитъ машинѣ, и перечисляютъ при этомъ разные нумера, то онъ молчитъ и серьезно, сосредоточенно смотритъ въ глаза. Но стоитъ только назвать № 33, какъ онъ начинаетъ громко и радостно лаять.

Но сегодня, только-что Джекъ успѣлъ отвѣтить своимъ лаемъ, какъ внизу зазвонилъ колоколъ тревоги, и вмгъ пожарные и Джекъ вскочили и бросились внизъ. Джекъ впереди всѣхъ, перескакивая сразу черезъ нѣсколько ступеней.

Черезъ нѣсколько секундъ все уже было готово, и лошади вывезли машину на улицу. Джекъ бѣшено метался передъ лошадьми, потомъ бросался впередъ по улицѣ, съ остервенѣніемъ лаялъ на ѣхавшіе впереди пожарной машины экипажи, какъ бы требуя, чтобы они убирались съ дороги.

Только когда лошади помчались крупной рысью

подъ гору, Джекъ пересталъ лаять и сосредоточенно мчался рядомъ съ лошадьми, какъ бы готовясь къ дѣлу.

И какая же выдалась холодная ночька! Колеса машины рѣзко скрипѣли по замерзшему снѣгу, и рѣзкіе звуки пожарнаго рожка гулко и далеко разносились по тихому, ясному воздуху.

Иногда, когда проѣзжали мимо домовъ, изъ-за воротъ раздавался лай собакъ, но и собака не рѣшалась въ такую ночь выбѣгать на улицу, а только лаемъ хотѣла выразить, что она знаетъ, что

это Джекъ отправляется на исполненіе своихъ обязанностей и что въ этомъ ему завидуютъ какъ эта собака, такъ и другія.

Пожаръ случился на другомъ концѣ города, огонь выкинуло въ узенькой улицѣ, гдѣ жила бѣднота да были маленькія лавчонки. Постройки тамъ были ужасно скучены,—кажется, ни одного вершка земли не было, который не былъ бы занятъ чѣмъ-нибудь.

Машина остановилась передъ домомъ, откуда валилъ дымъ. Пожарные быстро соскочили и принялись

прикрѣплять кишку къ пожарному крану, а Джекъ съ обычнымъ своимъ спокойнымъ, озабоченнымъ видомъ расхаживалъ кругомъ и наблюдалъ, все ли въ порядкѣ. Онъ видѣлъ, что и лошади стояли такъ, какъ имъ слѣдуетъ, плотно прижимая ноги, какъ это онъ дѣлаютъ всегда въ холодную погоду. Люди заботливо укрыли ихъ теплыми попонами. Вода, натекая изъ крана и сбѣгавшая въ канаву ручейками, уже замерзла, и около кишки повисли сосульки. Холодно и Джеку, — видно, шуба-то у него не совсѣмъ теплая, и онъ дрожитъ, ступая по обледенѣлой землѣ. Но Джекъ не теряетъ зря времени, и какъ только увидѣлъ, что пожарные тронулись къ дому, сейчасъ же и онъ, бодро приподнявъ хвостъ, двинулся за ними. Изъ дома валилъ густыми, черными клубами дымъ.

Жители дома выбрасывали изъ оконъ постели и всевозможную утварь или спѣшно тащили что-то на себѣ на улицу. Перепуганные, плачущіе, столпились обитатели дома около

своихъ скудныхъ пожитковъ. Всѣ дрожали отъ холода, такъ какъ съ испуга не успѣли и одѣться какъ слѣ-

дуетъ. Дѣти плакали и отъ мороза и отъ страха на рукахъ у матерей или старались зарыться въ вынесенныя домашнія вещи и укрыться отъ пронзительной стужи.

Пожарнымъ приказано взобраться на крышу дома. Они спѣшатъ по лѣстницѣ, таща за собой кишку, и Джекъ не отстаётъ отъ нихъ ни на шагъ. Чѣмъ выше, тѣмъ труднѣе и труднѣе подыматься: густой дымъ ѣстъ глаза, становится нечѣмъ дышать, въ глазахъ темнѣетъ. Пожарные останавливаются, открываютъ окна, чтобы набраться хоть немного свѣжаго воздуха. Но наконецъ одинъ изъ пожарныхъ не выдержалъ, упалъ, задыхаясь отъ дыма. Товарищи подхватываютъ его и протаскиваютъ къ окну. А тутъ еще эта безконечно длинная кишка, которую они тащатъ и которая съ каждымъ шагомъ становится все тяжелѣе и тяжелѣе.

Джекъ слѣдуетъ по пятамъ. Наконецъ-то добрались и до верхняго этажа. Вотъ и чердакъ, слуховое окно, откуда можно выбраться на крышу. Но тутъ вдругъ Джекъ останавливается, тянетъ носомъ, виляетъ хвостомъ и бросается къ чуланчику. Дверь заперта, но онъ начинаетъ скрестись въ нее и лаять.

Пожарные видятъ, что мѣсто, куда забрался Джекъ, обыкновенный чуланчикъ для склада вещей, безъ оконъ, находится подъ лѣстницей, ведущей на самую крышу, — слѣдовательно, тутъ ужъ не можетъ быть никакого человѣческаго существа; но Джекъ продолжаетъ упорно скрестись и лаять, а это что-нибудь да значить, — Джекъ зря этого не сдѣлаетъ.

И одинъ изъ пожарныхъ высаживаетъ дверь.

Дымъ и темнота сначала не даютъ возможности различить что бы то ни было. Но Джекъ бросается въ уголъ, скребется тамъ и, видимо съ огромными усиліями, волочитъ что-то по полу къ дверямъ.

Пожарные нагибаются, глядятъ и — о Боже! — это ребенокъ.

Молодой пожарный, который передъ этимъ училъ Джека продѣлывать свой фокусы, подхватываетъ ребенка. Это мальчикъ лѣтъ, должно быть, семи, — но какой же худенькій и легкій! Должно быть, онъ въ обморокъ отъ того удушливаго дыма, который наполнял

чуланъ. Онъ лежитъ совершенно безъ признаковъ жизни на рукахъ у пожарнаго.

Но времени терять нельзя. Остальные товарищи пожарные двинулись на крышу, а молодой съ ребенкомъ на рукахъ, въ сопровожденіи Джека, ринулся внизъ сквозь удушливый дымъ.

Молодой пожарный наконецъ выскочилъ съ безжизненнымъ тѣломъ ребенка на улицу и подскочилъ къ скупившейся толпѣ жильцовъ.

— Кто это изъ васъ оставилъ въ домѣ ребенка? — рѣзко спросилъ онъ дрожащихъ отъ холода жильцовъ дома. — Чей это ребенокъ?

Всѣ молчали. Подождавъ немного, онъ продолжалъ:

— Развѣ можно запирать ребенка въ такомъ темномъ, холодномъ чуланѣ?! Изверги!

— Посмотрите-ка, — да вѣдь это слѣпой! А я ужъ и забылъ про него! — воскликнулъ одинъ изъ стоявшихъ въ толпѣ.

— Въ такое время дѣтей забывать нельзя, — сказалъ пожарный.

— Да онъ не нашъ, — сказалъ тотъ же человѣкъ изъ толпы.

— Ну, а какъ же могло случиться, что онъ оказался запертымъ въ этой темной дырѣ подъ лѣстницей? — спросилъ пожарный. — Не случись съ нами собака, — такъ и погибъ бы ребенокъ.

— Да онъ, должно быть, притащился туда за дѣть-

ми,—отвѣчалъ тотъ же человѣкъ.—Если бы я видѣлъ, что его туда привели, то ужъ, конечно, я бы присмотрѣлъ за нимъ.

Должно быть, холодный воздухъ привелъ въ чувство ребенка,—онъ заворочался и застоналъ.

— Это все дымъ надѣлалъ, — заговорилъ съ мальчикомъ пожарный.— Ну, какъ дѣла, молодчина, лучше теперь тебѣ?

— Да,—отвѣчалъ мальчикъ слабымъ голосомъ, но встать на ноги онъ не могъ.

— Ну, погоди-ка, я тебя устрою какъ слѣдуетъ,—сказалъ пожарный и снесъ его къ машинѣ.

Тамъ лежало еще нѣсколько теплыхъ попонъ, захваченныхъ для лошадей. Пожарный взялъ одну изъ нихъ, завернулъ въ нее хорошенько мальчика и положилъ его на площадку машины.

— Ну-ка, Джекъ, побереги его, — сказалъ онъ пожарной собакѣ и тотчасъ же побѣжалъ въ домъ на помощь къ своимъ товарищамъ.

Вѣрная собака проводила долгимъ, грустнымъ взглядомъ удаляющуюся фигуру пожарнаго: вѣдь это было въ первый разъ, что Джекъ отсталъ отъ пожарныхъ въ ихъ работѣ,—потомъ съ глубокимъ вздохомъ онъ повернулся къ машинѣ. Быстрымъ прыжкомъ вскочилъ онъ на площадку машины и улегся у ногъ мальчика.

Попона покрывала мальчика съ головой. Мальчикъ лежалъ тихо-тихо, не двигаясь. Немного погодя, Джекъ всталъ, подошелъ къ головѣ мальчика и просунулъ свой носъ подъ попону, чтобы убѣдиться, живъ ли мальчикъ. Его удивляло, что онъ лежитъ такъ спокойно. Мальчикъ былъ живъ и очень удивился, когда носъ Джека коснулся его лица. Ему было только холодно, и, должно быть, Джекъ понялъ это, потому что на этотъ разъ легъ рядомъ съ мальчикомъ и тѣсно прижался къ нему, какъ бы желая согрѣть его своимъ тѣломъ.

Нѣкоторое время оба тихо лежали на площадкѣ машины. Джекъ не спалъ, онъ зорко слѣдилъ за всѣмъ, что происходило вокругъ. Онъ дрожалъ отъ холода, но оставался на своемъ посту. Тихо стояли и лошади

съ опущенными головами и поджатыми хвостами, и только громко хлюпала работающая машина.

Наконецъ прекратился огонь, перестало выбрасывать искры и только поднимались густые клубы дыма. Джекъ зналъ, что пожаръ кончился и скоро придуть и его пожарные. И дѣйствительно, прошло еще немного времени, и закопченные, съ обгорѣлою одеждой, пожарные вернулись и стали собираться ѣхать обратно. Джекъ былъ свободенъ.

Пожарные взяли мальчика съ собой въ пожарную часть, потому что хорошо понимали, что оставшіеся сами безъ крова жильцы погорѣвшаго дома не могли бы приютить ребенка, если бы даже и хотѣли. Они порѣшили, что мальчикъ могъ провести у нихъ эту ночь, а утромъ они отдадутъ его въ какой-нибудь приютъ.

Сняли попоны съ лошадей, завернули еще и въ нихъ мальчика и отправились домой. Отправился домой и Джекъ. Всегда онъ бѣжалъ впереди лошадей, кружился около нихъ и возбужденно лаялъ, но теперь онъ молча бѣжалъ рядомъ съ машиной. Возбужденіе его улеглось: устали люди, усталъ и Джекъ.

Пожарные внесли мальчика въ свою комнату наверхъ, развернули попоны, въ которыя онъ былъ завернутъ, и посадили на стулъ.

— Ну, а теперь давай-ка познакомимся съ тобой,— посмотримъ, какой ты изъ себя,—заговорилъ вынесшій мальчика изъ горѣвшаго дома молодой пожарный съ свѣжимъ, энергичнымъ, добрымъ лицомъ. — Ну, какъ ты себя чувствуешь теперь?

— Очень хорошо,—отвѣчалъ мальчикъ.

— Ну, вотъ и чудесно,—сказалъ пожарный.

Но мальчикъ вовсе не выглядѣлъ чудесно. Личико его было блѣдно и худо, и онъ глядѣлъ вокругъ себя какъ-то странно, какъ не глядятъ дѣти, которыя видятъ.

— Развѣ ты ничего не видишь? Ну, вотъ, видишь ты меня?—спрашивалъ его пожарный.

— Я только чуть-чуть вижу свѣтъ, если горятъ лампы или свѣтитъ солнце,—отвѣчалъ мальчикъ.

— Должно быть, ты голоденъ? А?

— Не очень,—отвѣчалъ мальчикъ.

— Ты ужиналъ?

— Нѣтъ, я не ужиналъ,—проговорилъ мальчикъ.

— А обѣдалъ?

— Я не обѣдалъ сегодня.

— Какъ, ты и не обѣдалъ?!—воскликнулъ молодой пожарный.—Такъ когда же наконецъ ты ѣлъ?

— Я ѣлъ, когда дѣти приносили мнѣ остатки своего завтрака. Они меня жалѣли.

— Ахъ ты, Господи Боже мой!—воскликнулъ молодой пожарный.—Вотъ такъ штука! Ну, такъ посиди спокойно, пока я вернусь.

И пожарный стремительно помчался изъ комнаты, какъ будто пожарный колоколъ далъ тревогу.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся назадъ, нагруженный разными свертками, и быстро сталъ ихъ развертывать. Тутъ были и булки, и масло, и сыръ, и готовые бутерброды, и бутылка молока. Все это онъ выгрузилъ на маленькій столикъ и придвинулъ его къ слѣпому мальчику.

— Теперь начинай съ этого,—сказалъ онъ, кладя въ руки мальчика одинъ изъ бутербродовъ.

— Спасибо,—проговорилъ слабымъ голосомъ мальчикъ.

— Неужели ты хочешь, Рюрданъ, чтобы малый съѣлъ все, что ты принесъ,—спросилъ одинъ изъ пожарныхъ.

— Да какъ же иначе? вѣдь онъ же ничего не ѣлъ цѣлый день, да потомъ еще такъ холодно, пускай его ѣстъ,—отвѣчалъ Рюрданъ.

— Да вѣдь ты такъ убьешь его, если заставишь много ѣсть сразу. Онъ долженъ постепенно привыкнуть къ пищѣ. Развѣ не видишь, мальчикъ голодалъ, а голодныхъ людей надо приучать къ пищѣ понемножку.

Рюрданъ послушался добраго совѣта. Мальчику дали еще бутербродъ и молока, а остальное подѣлили между собой остальные пожарные и Джекъ. Потомъ въ углу комнаты устроили мальчику постель и тепло укрыли его. Такъ мальчику было удобно въ теплой, сухой комнатѣ, такъ онъ наѣлся, что не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ онъ уже спалъ крѣпчайшимъ сномъ.

Джекъ усѣлся около него и внимательно наблюдалъ его.

— Много бы я далъ, чтобы узнать, о чемъ думаетъ Джекъ,—сказалъ одинъ изъ пожарныхъ.

— Должно быть, онъ обдумываетъ, какъ бы получше устроить малаго, и навѣрное онъ это рѣшитъ прежде, чѣмъ отправится спать,—замѣтилъ Ріорданъ.

Джекъ отвѣчалъ на эти разговоры выразительнымъ взглядомъ и нѣсколько разъ ударилъ своимъ хвостомъ по полу, какъ бы желая сказать:

— Ну, конечно, такъ.

ГЛАВА II.

На слѣдующее утро пожарные проснулись, одѣлись, а мальчикъ все еще спалъ. Днемъ онъ выглядѣлъ еще блѣднѣе, чѣмъ ночью, и его худенькія щечки и темные круги подъ глазами придавали его лицу страдальческое выраженіе.

— Ужасно жалко сдавать куда-нибудь мальчика, пока онъ въ такомъ жалкомъ видѣ. Давайте-ка мы его немного откормимъ да румянецъ на щекахъ натремъ, а тогда и сдадимъ,—сказалъ Ріорданъ.

— Да какъ же это сдѣлать? Можно развѣ глядѣть за мальчикомъ и летать на пожары? Едва ли изъ этого что выйдетъ,—возразилъ капитанъ.

— Работа наша отъ этого никакъ пострадать не можетъ,—настаивалъ на своемъ Ріорданъ.—Мальчикъ ужъ большой, можетъ и самъ за собой доглядѣть, да къ тому же слѣпой, какая такая забота о немъ? Да и съѣсть онъ немного, такъ что мой карманъ не очень-то страдаетъ.

— Ну, ладно, держите его день-другой, я не препятствую, — согласился капитанъ, — вотъ вамъ и отъ меня на его содержаніе, — и онъ протянулъ бумажку.

— Мы всѣ будемъ его содержать,—сказалъ другой пожарный.—Эй, Джекъ, сюда! Бери шапку, обходи всѣхъ.

Джекъ взялъ въ зубы шапку и съ серьезнымъ, торжественнымъ видомъ сталъ обходить пожарныхъ, которые всѣ бросали въ шапку деньги.

— Пусть Ріорданъ будетъ распорядителемъ, — сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Вотъ ужъ мы собрали столько денегъ, что хватитъ ему прожить не одну недѣлю, — сказалъ Ріорданъ, потряхивая шапкой, въ которой звенѣли монеты.

— Пожалуйста, покажите мнѣ, гдѣ можно умыться, — раздался въ это время слабый, нѣжный голосокъ. — Если только вы мнѣ разъ покажете, то я потомъ самъ найду.

— Сюда, сюда, молодецъ! — отвѣчалъ Ріорданъ, ведя мальчика за руку къ крану, подъ которымъ умывались всѣ пожарные. — Вотъ тутъ кранъ, а вотъ мыло, а пока ты будешь умываться, я пойду, принесу тебѣ завтракать.

— А почему бы и его не взять съ нами? — спросилъ одинъ изъ пожарныхъ.

— Нѣтъ, не надо, — возразилъ Ріорданъ. — На дворѣ холодно, а онъ, видите, какъ одѣтъ. Подождемъ, пока достанемъ ему какой-нибудь теплой одежды. Нѣтъ, лучше я принесу ему сюда позавтракать, а пока онъ будетъ тутъ ѣсть, мы пойдемъ сами завтракать.

— А потомъ, когда вернемся, пусть онъ расскажетъ намъ свою исторію, — сказалъ другой.

Мальчикъ умылся, почистился и привелъ себя въ опрятный видъ, несмотря на лохмотья, въ которые онъ былъ одѣтъ. Пожарные усадили его за столъ, поставили передъ нимъ завтракъ и отправились сами завтракать.

Какимъ же вкуснымъ показался бѣднягѣ завтракъ, хотя состоялъ онъ только изъ горячаго кофе да изъ хлѣба, намазаннаго масломъ; но онъ былъ настоящимъ пиромъ для бѣдняги, который въ теченіе нѣсколькихъ недѣль ѣлъ сухой хлѣбъ, когда ему удавалось достать его, да и то не всегда.

Въ то время какъ мальчикъ съ аппетитомъ уничтожалъ свой завтракъ, его вниманіе привлекъ легкій шорохъ около его ногъ.

— Джекъ, ты здѣсь? — спросилъ мальчикъ.

Джекъ тотчасъ же всталъ и лизнулъ ему руку.

— Милый, хорошій Джекъ!—сказаль слѣпой, нѣжно прижавъ свою щеку къ головѣ собаки.—Если бы ты вчера не уместился около меня и не согрѣлъ меня, я, должно быть, совсѣмъ бы замерзъ. Ну, вотъ тебѣ часть моего завтрака, я все равно не съѣмъ всего,—и онъ протянулъ Джеку изрядный кусокъ хлѣба, намазанный масломъ.

Джекъ принялъ предложенный кусокъ съ большимъ раздумьемъ, какъ будто бы онъ предпочиталь, чтобы мальчикъ лучше съѣлъ его самъ, но все-таки взялъ его, чтобы не оскорбить своимъ отказомъ добрыя чувства дававшего.

— Какъ же ты медленно ѣшь, Джекъ!—сказаль слѣпой.—Должно быть, тебѣ это не такъ нравится, какъ мнѣ. Да ты посмотри хорошенько, тамъ и масло есть. Вѣдь ты же, должно быть, любишь масло?

Джекъ еще старался покончить съ даннымъ ему кускомъ, какъ въ комнату стали входить пожарные.

— Зачѣмъ же, милый, ты даешь Джеку? Ему мы принесли остатки нашего завтрака. Онъ это любитъ гораздо больше. Тебѣ понравился завтракъ?

— Очень вкусный,—отвѣчалъ мальчикъ.—Но Джекъ такой добрый, что мнѣ хотѣлось дать ему что-нибудь.

— Ну, насчетъ его ты не безпокойся, —сказаль одинъ изъ пожарныхъ.—Мы за Джекомъ смотримъ какъ слѣдуетъ,—и, говоря такъ, онъ раскрылъ пакетъ съ костями и кусочками мяса и выложилъ это передъ Джекомъ.

— Ну, а теперь, когда ты подкрѣпился немного, не расскажешь ли ты намъ про себя,—сказаль вошедшій въ это время въ комнату капитанъ ¹⁾).

— Хорошо,—отвѣчалъ мальчикъ.

— Ну-съ,—сказаль капитанъ, прождавъ нѣсколько минутъ и видя, что мальчикъ затрудняется начать рассказывать.—Откуда ты и какъ тебя звать? Есть у тебя отецъ, мать?

— Меня зовутъ Вильямъ, —отвѣчалъ мальчикъ,— Вильямъ Блекъ. У меня нѣтъ отца. Онъ ѣздилъ по морю, и его пароходъ пропалъ и всѣ утонули.

¹⁾ Капитанъ у американцевъ то же, что у насъ брандмейстеръ, то есть начальникъ отдѣльной пожарной команды.

— Ну, а мать есть у тебя?—продолжалъ спрашивать капитанъ.

Мальчикъ задумался на минуту. Потомъ губы его задрожали отъ волненія, и, стараясь отвѣтить, онъ вдругъ закрылъ ручонками свои слѣпые глаза и разрыдался. Онъ старался подавить рыданія, но, очевидно, горе его было слишкомъ велико, чтобы онъ могъ сразу справиться съ охватившимъ его волненіемъ. А эти грубые пожарные, которые нисколько не задумывались передъ тѣмъ, чтобы броситься въ пылающее зданіе, которые не задумывались пожертвовать своей жизнью, лишь бы спасти жизнь другихъ, эти мужественные люди совершенно растерялись при видѣ горя ребенка.

— Что же, и мать твоя тоже умерла?—спросилъ капитанъ робкимъ голосомъ, который такъ противорѣчилъ его обыкновенному твердому, громкому голосу.

— Нѣтъ, я не думаю, чтобы она умерла... я не знаю,—говорилъ, рыдая, мальчикъ.

— Такъ ты знаешь, гдѣ она?—спрашивалъ капитанъ.

— Нѣтъ, не знаю,—отвѣчалъ мальчикъ.—Она упала... она не могла уже говорить со мной, не могла двигаться... а они тогда взяли ее, положили на телѣгу и увезли...

— Можетъ-быть, ты знаешь, куда ее отвезли?

— Нѣтъ, они мнѣ ничего не сказали.

— Развѣ никого тамъ не было, чтобы досмотрѣть за тобой?

— Нѣтъ, никто тамъ не зналъ меня.

— Что же ты дѣлалъ? Куда же ты пошелъ?

— Я не зналъ, куда итти. Шли какія-то дѣти, увидѣли, что я плачу, и сказали, что знаютъ такое мѣсто, гдѣ я могу пробыть до тѣхъ поръ, пока вернется мать. Они взяли меня съ собой и привели въ ту комнату подъ крышей.

— Да какъ же ты тамъ не замерзъ въ такіе холода?

— Дѣти принесли мнѣ разныя теплыя вещи, а потому они достали гдѣ-то въ конюшнѣ сѣна и сдѣлали мнѣ постель. Я понемногу привыкъ, и вовсе было не такъ ужъ холодно.

— Они, должно быть, взяли его мать въ больницу,—сказалъ капитанъ,—если только она не...

Онъ не договорилъ, потому что не имѣлъ силъ сказать при мальчикѣ то, что думалъ: что, можетъ-быть, мать его умерла.

— Ну, полно, мальчуганъ, перестань плакать!— продолжалъ онъ. — Все еще уладится. Мы постараемся отыскать твою мать и позаботимся о тебѣ.

— Здѣсь не мѣсто для ребенка,—сказалъ потомъ капитанъ пожарнымъ.—Вы можете продержатъ его здѣсь два-три дня, а потомъ надо его отдать въ какой-нибудь пріютъ. Можетъ-быть, они тамъ отыщутъ и его мать, во всякомъ случаѣ это скорѣе ихъ дѣло, чѣмъ наше.

Пожарные находили эти разсужденія слишкомъ черствыми и роптали между собой на капитана, находя его безсердечнымъ. Но когда на слѣдующій день капитанъ принесъ большой свертокъ, буркнувъ по обыкновенію: «тутъ кое-что для ребенка», они перемѣнили свое мнѣніе о немъ. Въ сверткѣ оказалось теплое платье, чулки, шапка и т. п.

Скоро на слѣпомъ стали сказываться заботы, которыя оказывали ему пожарные: на щекахъ появился легкій румянецъ, и самъ онъ становился крѣпче со дня на день. Поправлялось тѣло его, и, на душѣ у него стало легче. Личико его стало веселѣе, счастливѣе, и скоро онъ уже игралъ съ Джекомъ передъ пожарнымъ зданіемъ.

— Кажется, онъ начинаетъ походить на ребенка,— замѣтилъ однажды вечеромъ Ріорданъ, когда Джекъ и мальчикъ играли между собой въ пряталки и по комнатѣ раздавался веселый смѣхъ мальчика, когда Джекъ находилъ его.—Если бы онъ только могъ видѣть, все было бы хорошо.

Удивительно было, какъ много могъ дѣлать этотъ слѣпой мальчикъ безъ помощи глазъ и какими способами старался онъ бывать полезнымъ. Самымъ счастливымъ бывалъ онъ тогда, когда, бывало, могъ кому-нибудь услужить. Видя это, пожарные часто поручали ему сдѣлать что-нибудь, хотя, разумѣется, сдѣлали бы это сами гораздо скорѣе.

Вильямъ показалось пожарнымъ слишкомъ длиннымъ именемъ, и они стали звать его Билли.

Прошло уже нѣсколько дней, а пожарные и не думали отдавать Билли въ пріютъ. Пожарная часть казалось бы и не совсѣмъ подходящее мѣсто, чтобы жить тамъ ребенку, но Билли думалъ, что это самое пріятное мѣсто въ мірѣ. Когда бывало зазвонить тревожный колоколъ, Билли приходилъ въ такое же возбужденное состояніе, какъ и Джекъ, и вслушивался напряженно, какъ вывозили изъ зданія машину, какъ звенѣли по мостовой копыта лошадей и бѣшено лаялъ Джекъ, и когда уже замрутъ послѣдніе звуки, связывавшіе его съ сдѣлавшимися ему дорогими людьми, онъ садился и терпѣливо поджидалъ ихъ возвращенія.

Но зато, когда пожарные возвращались, какою радостью свѣтилось личико мальчика. И этотъ мальчикъ сталъ замѣнять этимъ загрузѣвшимъ въ трудной работѣ людямъ домашній очагъ, котораго они были лишены.

— Зачѣмъ вы держите постоянно и парите мальчика въ комнатѣ?— замѣтилъ однажды капитанъ.— Одѣньте-ка его потеплѣе да выведите на солнышко. Съ нимъ ничего не случится, если онъ будетъ гулять около дома.

Надѣли на Билли теплое платье, шапку, перчатки и вывели его на воздухъ передъ пожарной частью, гдѣ сейчасъ такъ ярко свѣтило солнце.

— Смотри за нимъ, Джекъ,—приказалъ Ріорданъ, и Джекъ, взмахнувъ хвостомъ и заглянувъ какъ-то особенно въ глаза Ріордану, пошелъ за мальчикомъ.

Билли и Джекъ стали гулять вмѣстѣ передъ зданіемъ, при чемъ Билли положилъ руку на шею собаки, и умный песъ ходилъ взадъ и впередъ съ такой же правильностью, какъ часовой на своемъ посту. Свѣжій воздухъ подрумянилъ Билли, и онъ выглядѣлъ счастливымъ и довольнымъ.

Когда они гуляли уже съ полчаса, появилось двое людей, при приближеніи которыхъ Джекъ сталъ обнаруживать самые явные признаки удовольствія. Онъ быстро хлопалъ своимъ хвостомъ и визжалъ отъ радости.

Появившіеся были не старый еще господинъ и маленькій мальчикъ,—пожалуй, немного моложе Билли, съ веселыми глазами, краснощекій, съ независимымъ видомъ. Въ рукахъ онъ несъ корзинку.

Пожилой господинъ былъ дѣдушка мальчика. Это былъ удивительный дѣдушка: такая пріятная улыбка, когда онъ глядѣлъ на васъ, такой пріятный голосъ, когда онъ говорилъ съ вами! Стоило встрѣтиться съ нимъ, 'пожать ему руку, услышать его голосъ, когда онъ спроситъ васъ: ну, какъ поживаете? чтобы чувствовать себя веселымъ весь день.

Но Билли не могъ *видѣть* пріятнаго лица, хотя онъ могъ слышать голосъ и хотя, кромѣ того, тѣ, которые, какъ онъ, не могутъ видѣть, обладаютъ чѣмъ-то, что позволяетъ имъ чувствовать, какъ глядитъ другой. Точно такъ же и Билли нарисовалъ въ своемъ умѣ свой портретъ этого дѣдушки, и слѣпой поэтому тоже улыбался, когда заговорилъ дѣдушка, улыбался съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и всякій другой, говорившій съ нимъ.

— Джекъ, Джекъ, а я тебѣ принесъ что-то хорошее, старина,—сказалъ мальчикъ, котораго звали Самъ, внимательно разглядывая Билли.

— Что это за мальчикъ?—спросилъ дѣдушка Сама.— Его что-то не было у васъ, кажется?

— Мы нашли его ночью, господинъ Ледвель, въ сѣверной части города, когда тамъ былъ пожаръ,—сказалъ Ріорданъ, который тоже находился около зданія и, видя, какъ Ледвель заинтересовался мальчикомъ, подошелъ рассказать его исторію.

Ріорданъ закончилъ рассказы похвалой Джеку, который ужъ не въ первый разъ спасалъ на пожарахъ людей.

— Ахъ ты, молодчина!—сказалъ Ледвель, поглаживая по головѣ собаку.

А Джекъ скромно опустилъ къ землѣ глаза и тихонько повиливалъ хвостомъ. Онъ, очевидно, думалъ, что исполнилъ свой долгъ и его не за что хвалить.

Самъ въ это время распаковывалъ свою корзинку, и Джекъ, искоса поглядывая туда, старался не обнаружить того огромнаго удовольствія, которое онъ предвкушалъ, нюхая и видя содержимое корзины. По виду Джекъ оставался спокойнымъ, но по губамъ у него потекли обильныя слюни. Да и было отъ чего волноваться: въ корзинкѣ лежали большіе куски разной самой пріятной собачьей ѣды.

Наконецъ, Самъ далъ кусочекъ Джеку, тотъ подхватилъ его на лету и проглотилъ. За первымъ кускомъ послѣдовалъ второй, третій, и Самъ съ наслажденіемъ смотрѣлъ, съ какимъ удовольствіемъ Джекъ лакомился.

— Послушайте, Ріорданъ, я думаю, будетъ благоразумнѣе, если остальное вы сбережете ему на обѣдъ, — сказалъ Самъ съ своимъ рѣшительнымъ видомъ. — Тутъ я принесъ ему костей, пирожковъ, которые онъ такъ любить. Приберегите ихъ только ему на десертъ, — и Самъ передалъ Ріордану аккуратно завернутые въ бумагу пирожки.

Крошки, которыя оставались въ корзинкѣ, да еще крошки отъ хлѣба въ особомъ пакетикѣ Самъ и Ріорданъ высыпали на землю передъ домомъ. Сидѣвшіе на крышѣ воробьи какъ будто бы давно поджидали этого момента и тотчасъ же стали безпокойно перелетать съ мѣста на мѣсто, спѣшно сообщая другъ другу новость о томъ, что есть чѣмъ поживиться, и вызывая наиболѣе храбрыхъ и смѣлыхъ на то, чтобы спуститься и попробовать, какую наживу послалъ имъ Богъ.

— Не давайте, Ріорданъ, все съѣсть воробьямъ, — сказалъ Самъ, который былъ очень строгъ на счетъ справедливаго распредѣленія корма. — Надо, чтобы и голуби поѣли. А какъ хроменькій голубокъ — живъ еще?

— Когда я видѣлъ его въ послѣдній разъ, онъ былъ молодцомъ, — отвѣчалъ Ріорданъ.

— А что Дикъ-Забіяка все еще бьетъ его? — спрашивалъ Самъ.

— Онъ порядочно таки допекаетъ его, когда всѣ ѣдятъ. Да что подѣлаешь: у животныхъ вѣдь всегда такъ, — кто сильнѣе, тотъ обижаетъ слабого.

— Пожалуйста, Ріорданъ, — сказалъ Самъ, — возьмите палку и отгоняйте этого противнаго драчуна, когда хроменькій будетъ ѣсть.

— О, не безпокойтесь, мы досмотримъ за этимъ хроменькимъ! Знаете ли, онъ въ послѣднее время здорово откормился, такой жирный сталъ, и ужъ не пугается, идетъ прямо къ рукамъ. Вчера онъ сидѣлъ у меня на рукѣ и ѣлъ.

— Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы онъ теперь прилетѣлъ! — проговорилъ Самъ.

— Да, пожалуй, онъ скоро прилетитъ. Голуби часто налетаютъ къ намъ. Вотъ видите, слетаются воробьи, а какъ только слетаются воробьи, значитъ, скоро и голуби будутъ, потому что они вѣрно даютъ знать другъ другу, гдѣ можно поѣсть.

А въ это время дѣдушка Сама бесѣдовалъ съ капитаномъ о маленькомъ слѣпомъ, который такъ неожиданно оказался на рукахъ пожарныхъ.

Когда Самъ поглядывалъ на слѣпого, ему становилось все грустнѣе и грустнѣе. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Здравствуй, Билли!

— Здравствуйте!—отвѣчалъ Билли своимъ нѣжнымъ голоскомъ, и между ними завязалось знакомство.

— А вотъ и голуби,—сказалъ Ріорданъ, и, дѣйствительно, стая голубей показалась изъ-за угла, покружи-лась и стала опускаться на землю около дѣтей.

Они набросились на разсыпанныя крошки, а воробьи отлетѣли, очевидно, напуганные шумнымъ ихъ прилетомъ, сѣли на противоположную крышу и, подумавъ немного, стали опять опускаться одинъ за другимъ. Они вертѣлись между голубями и предерзкимъ образомъ, изъ-подъ самага ихъ носа, воровали самыя большія крошки и, схвативъ ихъ, сейчасъ же улетали выше, на крышу, чтобы тамъ безъ помѣхи съѣсть.

Между голубями былъ одинъ бѣлый съ темными пятнами. Одну изъ своихъ ножекъ онъ поджалъ къ перьямъ и прыгалъ на другой. Ему, конечно, было неловко отъ этого собирать крошки. Другіе голуби, тѣсясь около него, сбивали его и даже клевали, когда онъ подхватывалъ крошку. Въ особенности сердитъ былъ одинъ красивый, сильный, сизый голубь, съ темно фіолетовыми перьями на шеѣ, которыя отливали на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги. Его-то и называли Дикъ-Забіяка. У него былъ чрезвычайно заносчивый видъ, какъ будто онъ и на самомъ дѣлѣ имѣлъ больше правъ на кормъ, чѣмъ другіе голуби. Самъ ужасно негодовалъ на такое отношеніе голубей къ хроменькому и разогналъ ихъ всѣхъ, кромѣ хроменькаго. Маленькій хромуша, должно быть, понялъ, что это было сдѣлано для него, остался и съ видимымъ наслажденіемъ поклевывалъ крошки. Другіе не очень-то боялись Сама, дол-

жно быть, они уже привыкли къ нему, и снова слѣлись, но онъ опять прогналъ ихъ. Такъ Самъ гонялъ, пока хроменькій наѣлся, какъ онъ думалъ, какъ слѣдуетъ. Послѣ этого онъ не мѣшалъ и другимъ ѣсть вволюшку. Самъ подошелъ къ хроменькому, поставилъ подъ него руку, и тотъ довѣрчиво усѣлся у него на ладони. И Билли погладилъ голубя. Дѣти стали болтать между собой, а Джекъ помѣстился около нихъ, одобрительно помахивая хвостомъ.

Наконецъ подошелъ къ дѣтямъ и господинъ Ледвель. На ходу онъ говорилъ капитану:

— Конечно, пока это хорошо для мальчика, но, разумѣется, нельзя же его всегда держать тутъ. Нужно будетъ прискаты для него какое-нибудь другое мѣсто.

Услышавъ это, Билли очень опечалился: онъ такъ привязался къ этому своему новому дому и думалъ, что если его возьмутъ отсюда, опять онъ будетъ и безъ друзей и безъ пріюта.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Съ англійскаго П. Буланже.

Лѣтняя берлога Михаила Ивановича Топтыгина.

Разъ, блуждая по темному лѣсу, который окаймляетъ быстрюю маленькую рѣчку, я вышелъ на дорогу, прорубленную лишь прошлой зимой дровосѣками. Дѣлать мнѣ было нечего, и я пошелъ по этой дорогѣ, межъ высокими деревьями, чтобы посмотрѣть, куда она приведетъ меня. Не успѣлъ я пройти и нѣсколькихъ шаговъ, какъ замѣтилъ, что кто-то бродилъ тугъ до меня: на каждомъ влажномъ мѣстечкѣ дороги, на поросли болотъ и на поросшихъ мхомъ стволахъ старыхъ деревьевъ виднѣлись глубокіе слѣды лапъ и когтей Михаила Ивановича Топтыгина, который, очевидно, прогуливался не разъ по этой дорогѣ. Я догадывался уже, куда эта дорога выведетъ меня, и поэтому совсѣмъ не удивился, когда увидѣлъ предъ собою хижину дровосѣковъ съ широко огороженнымъ дворомъ, разными сарайчиками и кое-какимъ лѣсомъ на дворѣ.

Эта хижина служила для дровосѣковъ пріютомъ зимою.

На лѣто дровосѣки уходили глубже въ лѣсъ, и хижина ихъ пустовала до слѣдующей зимы. Я зналъ это, но для меня имѣетъ какую-то своеобразную прелесть бродить по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ люди прожили вдали отъ всего свѣта, въ лѣсной глуши, цѣлую долгую зиму.

И вотъ я сталъ бродить по двору, заглядывая въ разные уголки его. Дверь низкаго хлѣва была открыта настежь, но тамъ

было мрачно и оттуда шель затхлый дурной запахъ; я могъ убѣдиться, что одни дикобразы посѣщали его теперь. Поэтому, бросивъ быстрый взглядъ внутрь его, я направился къ зимнему обиталищу людей.

Дверь его была заперта на замокъ, но на крышѣ виднѣлась большая дыра, продѣланная, очевидно, медвѣдями, и я полѣзъ въ эту медвѣжью дверь. Очевидно, что медвѣди являлись сюда не разъ до меня: каждый уголъ большой комнаты, лавки, шкафы и даже печь были обшарены ими вдоль и поперекъ, а сильный медвѣжій запахъ показывалъ, что посѣщеніе это было самое недавнее. Въ одномъ углу лежалъ опрокинутый большой жестяной ящикъ, и мука изъ него была развѣяна кругомъ по лавкамъ и по полу, точно вихремъ. Михаилъ Ивановичъ изволилъ, очевидно, забавляться; а можетъ-быть онъ злился, что продуктъ, добытый имъ съ такимъ трудомъ, оказался слишкомъ сухимъ и невкуснымъ. Бѣлые слѣды отъ его лапъ виднѣлись всюду на полу и на стѣнахъ. Это были слѣды небольшого медвѣдя, который явился, очевидно, послѣднимъ и которому пришлось удовлетвориться тѣмъ, что оставили ему другіе.

Осматривая внимательно деревянный полъ, я убѣдился, что прежде, чѣмъ была разсыпана мука, одинъ изъ посѣтителей хижины каталъ по немъ какой-то боченокъ или каменную бутылъ съ неизвѣстной мнѣ жидкостью. Это былъ, очевидно, первый медвѣдь, то громадное животное, которое проломило дыру въ крышѣ и первое попользовалось тѣмъ, что было повкуснѣе.

Катая по полу посудину, медвѣдь разливалъ изъ нея жидкость и тщательно подлизывалъ ее языкомъ, ни капли не оставилъ, чтобы я могъ убѣдиться, что тамъ было такое, но по цѣлымъ роямъ мухъ, кружившихся на каждомъ солнечномъ мѣстечкѣ, я могъ заключить, что это было, вѣроятно, что-нибудь сладкое,—должно быть, патока, и что медвѣдь, скушавъ все содержимое, унесъ съ собою посудину, чтобы облизать ее дочиста на досугѣ: я зналъ, что такъ поступаютъ обыкновенно медвѣди, когда они являются грабить покинутую хижину.

Другіе медвѣди являлись уже по проторенной имъ дорогѣ и подбирали то, что было похуже.

Одинъ разбилъ кочку съ соленой свиной и полакомился ею. Съ полки было сброшено нѣсколько топоровъ, молот-

ковъ и другихъ орудій, медвѣдь хотѣлъ, навѣрно, убѣдиться, не содержатъ ли и они чего-нибудь сладкаго. Каждый горшокъ и каждая кастрюля были вытащены изъ большого шкафа, — медвѣди лизали ихъ, вѣроятно, чтобы распознать, что такое варили въ

нихъ послѣдній разъ. А одинъ медвѣдь вставалъ даже на заднія лапы и смелъ все съ верхней полки. Однимъ словомъ, хижина была обыскана на славу, и больше въ ней не удалось бы поживиться ни одному медвѣдю. Немалый сюрпризъ ожидалъ дровосѣковъ, когда они вернутся домой!

Я вылѣзъ снова въ дыру на крышѣ и сталъ тщательно осматривать весь большой дворъ. Если медвѣдь унесъ что-нибудь изъ хижины, то это должно было быть тутъ, поблизости, а для меня представляетъ всегда страшный интересъ разыскать все, чего касались мои лѣсные друзья, что носить на себѣ ихъ слѣды. Ольховый сукъ, срѣзанный бобромъ только вчера, слѣды его лапокъ въ сырой глинтъ; дерево, подлѣ котораго становились на заднія лапы два или три медвѣдя разной вышины; стволъ, по которому барабанилъ тетеревъ; олений рогъ; слѣдъ какого-то неизвѣстнаго животнаго; заброшенная берлога рыси, — во всемъ этомъ и во многомъ другомъ подобномъ есть для меня какая-то особая, непонятная, можетъ-быть, и не для меня одного, а и для многихъ прелесть, изъ-за которой я готовъ дать крюку версту, другую, чтобы постоять и посмотрѣть на эти слѣды и почерпнуть въ нихъ иногда какія-либо новыя свѣдѣнія объ обитателяхъ лѣса.

Во дворѣ противъ воротъ лежала огромная куча щепъ и обрубковъ, на которой дровосѣки кололи и рубили зимою свозимый на дворъ лѣсъ. Я взобрался на нее и пошелъ по ней, удивляясь ея громадной величинѣ; щепы и сучья трещали подъ моими ногами, а нѣкоторые шумно катились внизъ. Вдругъ страшный шумъ раздался подъ моими ногами, и изъ кучи щепъ

и хвоста выскочилъ огромный медвѣдь и стремглавъ пустился наутекъ въ лѣсъ.

Страшно пораженный, я остановился какъ вкопанный. Я искалъ слѣдовъ медвѣдя, но не рассчитывалъ наткнуться на самого Михаила Ивановича. Я все не могъ понять, откуда онъ взялся; а потомъ началъ соображать, что могло бы случиться, если бы я столкнулся съ нимъ лицомъ къ лицу, когда лѣзъ въ дверь, продѣланную имъ для себя въ крышѣ. Наконецъ, я слѣзъ съ кучи и, обойдя ее кругомъ, открылъ самую удивительную берлогу, на какую только мнѣ приходилось наталкиваться въ лѣсу.

Съ сѣверной стороны кучи медвѣдь прорылъ проходъ фута въ два длиною и, выбросивъ содержимое изъ середины кучи, устроилъ себѣ берлогу, какъ разъ такой величины, чтобы онъ могъ залечь въ ней.

Я просунулъ голову въ это отверстіе и къ своему большому удивленію увидаль, что это былъ настоящій ледяной домъ, что тамъ подъ щепами сколько угодно льду и снѣгу. Я осмотрѣлъ кучу съ другихъ сторонъ и нашелъ всюду одно и то же: на футъ или на два подъ щепами ледъ былъ такой крѣпкій, точно у насъ былъ январь, а не лѣтній зной. Тутъ было прохладно, тутъ была тѣнь, ни одному лучу солнца нельзя было проникнуть сквозь эту толщу.

Я постоялъ съ минуту удивленный, но потомъ сразу понялъ, какъ это могло случиться.

Дровосѣки кололи дрова всю зиму на одномъ этомъ мѣстѣ, кололи топорами, разбрасывая много крупныхъ и мелкихъ щепокъ. Когда выпадалъ снѣгъ, они не счищали его, а наваливали на него новыя бревна, уминая снѣгъ и превращая его въ плотную массу, которая покрывалась новымъ толстымъ слоемъ

щепокъ. Такъ куча и росла: рядъ щепъ, а на нихъ толстый слой снѣгу; потомъ опять щепы и опять снѣгъ,—куча росла все выше и выше, пока въ апрѣлѣ дровосѣки не заперли свою хижину и не ушли дальше въ лѣсъ, чтобы заняться весенними сплавами бревенъ внизъ по рѣкѣ.

И когда весеннее солнце растопило снѣга кругомъ въ лѣсу, куча осталась, лишь осѣдая понемногу, послѣ жаркихъ дней. Въ полдень верхній слой снѣга оттаивалъ, и капельки его просачивались внизъ, подъ щепы; но ночью они замерзали, образуя внутри тонкій слой льда. И вотъ снѣгъ сошелъ повсюду въ лѣсу, а въ кучѣ подъ толстымъ слоємъ предохраняющихъ его щепокъ остался, и нижній слой его, самый первый снѣгъ прошлой зимы, пожалуй, такъ и не растаетъ во все лѣто.

Я нашелъ эту берлогу въ началѣ іюля. Солнце такъ и палило съ безоблачнаго неба, и мошки и комары кружились стаями; но въ берлогѣ Михаила Ивановича уцѣлѣли еще два или три слоя снѣга. Въ ней было свѣжо, какъ въ погребѣ, и ни одна муха не залетала туда.

Когда глаза мои привыкли немного къ потемкамъ, я замѣтилъ въ глубинѣ берлоги какой-то предметъ. Я просунулъ руку и вытащилъ глиняную бутылъ. Я убѣдился, что это была бутылъ изъ-подъ патоки,—та самая бутылъ, очевидно, которую медвѣдь каталъ по полу хижины, выбивъ изъ нея по всей вѣроятности пробку и подлизывая содержимое. Когда жидкость изсякла, онъ взялъ бутылъ подъ мышку и вылѣзъ съ нею изъ дыры въ крышѣ; онъ принесъ ее сюда, въ свою прохладную берлогу, чтобы облизывать ее снова время отъ времени въ надеждѣ, не покажутся ли еще сладкія капельки патоки. А можетъ-быть, ему просто нравилось просовывать въ горлышко кончикъ языка, втягивая въ себя тотъ аромат и ту сладость, которой онъ не могъ уже наслаждаться.

Я находилъ двѣ или три зимнія берлоги медвѣдя и странствовалъ цѣлыя версты по его слѣдамъ въ снѣгу, когда онъ бѣжалъ изъ одного убѣжища въ другое съ явнымъ намѣреніемъ утомить своего преслѣдователя и заставить его отказаться отъ дальнѣйшей гонки. Находилъ я по лѣтамъ и его купальни, гдѣ-нибудь подъ крутымъ бережкомъ, въ тѣни ольховыхъ вѣтокъ, на сѣверной сторонѣ, защищающей отъ мошекъ и отъ жары. Но ни одна изъ этихъ бер-

логъ не могла сравниться по оригинальности съ ледянымъ домомъ, который Мишка устроилъ себѣ такъ хитро подъ кучей щепъ, наваленной дровосѣтками, куда онъ забирался, очевидно, ежедневно, всхрапнуть немножко въ самое жаркое время дня. И ни одна изъ его штукъ и проказъ не понравилась мнѣ такъ, какъ эта мысль затащить бутылъ изъ-подъ папки къ себѣ въ берлогу. Тутъ она была уже въ безопасности, тутъ никакой другой медвѣдь не могъ уже попользоваться ею, потому что медвѣдь никогда не залѣзаетъ въ чужую берлогу, если хозяинъ не позоветъ его туда. И пока другіе медвѣди подбирали остатки отъ его поживы въ хижинѣ дровосѣтковъ, онъ лежалъ себѣ уютно въ своемъ ледяномъ домикѣ, облизывая бутылъ изъ-подъ папки,—эту драгоценность, которой онъ ни съ кѣмъ не хотѣлъ дѣлиться.

В. Лонгъ.

Съ англійск. *А. Ульянова.*

Одинъ день.

(Изъ исторіи одного дѣтства.)

(Продолженіе).

III.

За обѣдомъ я сидѣлъ безпокойно и плохо ѣлъ, такъ что мама два раза замѣчала мнѣ:

— Сережа! Какъ ты сидишь за столомъ? Почему ты ничего не ѣшь? Изволь ѣсть...

Я, обжигаясь, глоталъ супъ, который казался мнѣ на этотъ разъ особенно противнымъ и жирнымъ.

— Я не хочу больше, — объявилъ я, когда тарелка супу была наполовину съѣдена.

— Доѣшь супъ, а остального можешь не ѣсть, если не хочешь, — предложила мнѣ мать, и я съ неохотой принялся доѣдать простывшій супъ.

Меня преслѣдовала мысль о ключикѣ, съ которымъ я не зналъ, что дѣлать. Я безпрестанно вспоминалъ свой разговоръ съ матерью въ дѣтской, и про себя рѣшилъ, что какъ только выйду изъ-за стола, сейчасъ же отнесу ключикъ въ комнату матери и тамъ его гдѣ-нибудь оставлю: подумаютъ, что онъ завалился, и дѣло какъ-нибудь уладится... Но тутъ мнѣ становилось яснымъ, что отнести его туда потихоньку нельзя, потому что все время въ комнатѣ кто-нибудь былъ, и нельзя было пройти туда незамѣченнымъ... Но оставить его у себя то же нельзя было, потому что такъ или иначе дѣло съ ключикомъ должно было выясниться и кому-нибудь досталось бы за ключикъ.

Сверхъ того, братъ Миша сидѣлъ за столомъ почти напротивъ меня, и мнѣ было непріятно на него смотрѣть, а онъ

посматривалъ на меня—какъ мнѣ казалось—особенно насмѣшливо. Все это волновало меня, и я не зналъ, что съ собой дѣлать.

За столомъ велись все непонятные для меня разговоры сестеръ и брата Миши съ матерью.. Я сидѣлъ, слушалъ — и мнѣ нестерпимо хотѣлось убѣжать изъ-за стола въ дѣтскую, но я не могъ этого сдѣлать, такъ какъ никому до окончанія обѣда выходить изъ-за стола у насъ не дозволялось.

Когда обѣдъ кончился и всѣ, поцѣловавъ руку у матери, разошлись по своимъ комнатамъ, горничная Маша — молодая дѣвушка, тихая и незамѣтная — стала собирать со стола посуду...

Я засмотрѣлся въ окно. Я любилъ смотрѣть на небо, когда тамъ бродили странныя мохнатая облака. Я глядѣлъ на нихъ и думалъ: „вотъ это облако—левъ, это у него грива, а тутъ лапы... только хвоста не видать... А это маленькое бѣлое облачко—гусь съ длинной шеей... А тамъ — верблюдь... Вонъ у него два горба...“, и я загадывалъ, что будетъ, если облачный гусь налетитъ на льва изъ облаковъ, а верблюдь—такое большое, горбатое, ползучее облако—ихъ всѣхъ раздавить... Что тогда получится? Бегемотъ или слонъ?

Мать, какъ будто чѣмъ-то взволнованная и разстроенная, тоже оставалась въ столовой. Она убирала въ буфетъ серебряныя ложки и, повидимому, не замѣчала меня.

Маша входила и уходила, складывая салфетки и сметая хлѣбныя крошки со скатерти и гремя посудой...

— Маша, — обернулась къ ней внезапно мать, — ты не знаешь, куда дѣвался у меня ключикъ отъ праваго ящика стола?

При словѣ „ключикъ“ я вздрогнулъ и прижался къ окну.

— Нѣтъ, барыня, не знаю,—отвѣчала Маша.

— Меня прямо это удивляетъ,—продолжала мать.—Никогда ничего у меня не пропадало. И вчера еще ключъ былъ въ ящикѣ. Куда онъ могъ исчезнуть?

— Я не знаю-съ...

— Дѣти не брали, я у нихъ спрашивала...

Я незамѣтно перешелъ къ другому окну и сѣлъ на стулъ.

— Няня у нихъ его тоже не видала... А между тѣмъ—ключа нѣтъ. Я у себя рѣшительно все перерыла—нигдѣ нѣтъ. Точно кто съ хлѣбомъ его съѣлъ.

— Я же, барыня, не брала... Я не знаю...

— Я не говорю, что ты брала... Я ничего не знаю. Я говорю только, что мнѣ это въ высшей степени странно... Кроме тебя, въ комнату никто не входилъ... И ключа нѣтъ!..

Мать начинала волноваться, и голосъ ея дѣлался неприятнымъ и сухимъ... Я сидѣлъ, съжившись, на стулѣ, и сердце у меня билось тревожно и пугливо. Мнѣ хотѣлось уйти изъ столовой, но я боялся обратить на себя вниманіе и еще плотнѣе забивался въ свой уголъ... Маша вся покраснѣла и съ волненіемъ складывала и раскладывала салфетку, никакъ не попадая въ кольцо, въ которое складывалась салфетка.

— Такъ, Маша, служить нельзя,—говорила мать, переходя съ обыкновеннаго „ты“, какъ она всегда говорила прислугѣ, на рѣзкое „вы“,—если вы хотите служить у насъ, то смотрите, по крайней мѣрѣ, за тѣмъ, чтобы нужныя вещи не исчезали куда-то безслѣдно... А такъ я держать васъ, согласитесь, не могу...

Маша молчала.

Мнѣ стало совсѣмъ не по себѣ, и я, чтобы не слышать того, что говорила мать, сталъ стучать пальцами по стеклу окна.

Мать замѣтила меня и недовольно спросила:

— Сережа, что ты тутъ дѣлаешь? Ступай въ дѣтскую. Нечего тебѣ тутъ дѣлать.

Маша тоже взглянула на меня, и я, не оглядываясь, ушелъ изъ комнаты. Я пошелъ въ дѣтскую и пробовалъ заняться вмѣстѣ съ Васей исправленіемъ сломаннаго игрушечнаго паровоза, но ничего не вышло, работа не клеилась, я скоро бросилъ ее и принялся смотрѣть въ окно, и это было скучно: безтолково носились по небу стаи галокъ и садились на крышу сосѣдняго дома, да дворникъ Петръ рубилъ дрова, и изъ-подъ топора на снѣгъ летѣли въ разныя стороны нескладныя щепки, которыя тутъ же подбиралъ въ охапку сынишка Петра, голубоглазый Ванька.

А изъ столовой все доносился голосъ матери, мнѣ было грустно и тяжело его слушать, и я старался изобрѣсти себѣ еще какое-нибудь занятіе, чтобы не слоняться изъ угла въ уголъ по комнатѣ и не слышать голосъ матери... Но все выпадало у меня изъ рукъ, и я не зналъ, что съ собой дѣлать...

До вечера я нѣсколько разъ успѣлъ поссориться съ Васей, и онъ тогда начиналъ плакать. Приходила няня и начинала ворчать на насъ, потомъ опять куда-то уходила.

Когда стемнѣло и сѣрѣя сумерки затуманили комнату, я попросилъ няню зажечь лампу и сказалъ, что буду учить уроки. Няня принесла на столъ лампу, долго съ ней возилась—свѣтильня была неровна и не разгоралась—и, когда въ комнатѣ стало свѣтло и сѣрѣя косыя тѣни запрыгали и закивали по угламъ, она посмотрѣла какъ-то особенно на насъ и медленно произнесла, обращаясь къ брату:

— Васенька, милый, ты не бралъ у мамы ключика отъ стола?.. Скажи, милый...

Вася, прилежно рисовавшій домики и коней въ тетрадкѣ, поднялъ голову отъ тетрадки и серьезно, медленно отвѣчалъ:

— Не бралъ...—и продолжалъ рисовать.

Няня погладила его по головѣ и внимательно посмотрѣла на меня:

— А ты, Сереженька?.. Если взялъ, грѣшнымъ дѣломъ, то скажи... Будь умникъ.

Я молчалъ.

— Мама сердится. Машутку хочетъ прогнать. А чѣмъ она виновата?.. Можетъ-быть, взялъ по нечаянности да забылъ... Такъ лучше скажи... Ничего тебѣ не будетъ... А по крайности, на человѣка зря не будутъ думать.

Я наклонился еще ниже надъ книгой и сдѣлалъ видъ, какъ будто я внимательно ее читаю.

— Не мѣшай, няня... Я учу урокъ,—громко сказалъ я.

Вася рисовалъ, а няня отвернулась отъ меня и перебирала что-то въ комодѣ. Я не читалъ, а смотрѣлъ на длинныя черныя строки книги, онѣ прыгали у меня передъ глазами, и иногда какое-нибудь слово отскакивало отъ нихъ—и я начиналъ бессмысленно и упорно повторять его про себя.

Пробили, шипя и ворча, старые стѣнные часы.

Я перелистывалъ книгу и иногда украдкой поглядывалъ на няню, которая все возилась въ темномъ углу дѣтской. Мнѣ было не по себѣ.

— Сереженька, скажи, голубчикъ,—услышалъ я снова тихій, ласковый голосъ няни.

Я вздрогнулъ.

— Скажи, милый...

— Я не бралъ,—быстро заговорилъ я.—И ничего не знаю... Говорятъ тебѣ: не бралъ... Ну, и отстань...

— Ну, не бралъ, такъ не бралъ. Чего же ты сердишься?.. Я думала, что взялъ...

И она опять принялась возиться въ углу.

Я перелисталъ еще нѣсколько страницъ книги.

Вася запросилъ ѣсть, и няня пошла съ нимъ въ столовую.

На дворѣ совсѣмъ стемнѣло. Въ углахъ дѣтской стояла жуткая темнота, на потолкѣ и по стѣнамъ дрожали и двигались, ползли и качались причудливыя длинныя тѣни, однообразно и устало тикали часы, и мѣрно и тяжело ходилъ взадъ и впередъ маятникъ въ часовомъ футлярѣ... Надвигался долгій зимній вечеръ...

Я чувствовалъ себя одинокимъ и забытымъ. Мнѣ было тоскливо, тяжело и грустно, какъ никогда.

Въ этотъ день я не ужиналъ, и передъ вечернимъ чаемъ, послѣ котораго мы съ братомъ отправлялись спать, я пошелъ въ темную столовую поискать въ буфетѣ чего-нибудь поѣсть. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ я просилъ Машу принести мнѣ чего-нибудь изъ кухни, и она быстро сбѣгала внизъ, въ кухню, и возвращалась всегда съ чѣмъ-нибудь особенно вкуснымъ. Но теперь я не могъ просить ее, и мнѣ пришлось довольствоваться ломтемъ чернаго хлѣба съ солью.

Въ столовую надо было итти темнымъ коридоромъ мимо дѣвичьей. Дверь въ дѣвичью была раскрыта, и, проходя, я видѣлъ мелькомъ, какъ тамъ сидѣли за столомъ няня, горничная Маша и кухарка Марѣушка.

У Маши глаза были красные, наплаканные, и она торопливо собирала какія-то свои вещи—платья и бѣлье—и укладывала въ небольшую плетеную корзину. Няня и Марѣушка ей помогали... Няня часто вздыхала, а Марѣушка—толстая и неуклюжая—временами о чемъ-то сердито ворчала.

На обратномъ пути изъ столовой я притаился въ коридорѣ недалеко отъ двери въ дѣвичью. Въ коридорѣ было темно, а въ дѣвичьей горѣла лампа, и мнѣ было видно все, что тамъ происходило.

Я понялъ, что Машѣ отказали отъ мѣста, и она собиралась уѣзжать отъ насъ. Я почему-то опустилъ руку въ карманъ и нащупалъ тамъ маленькій вычурный ключикъ. Я сжималъ его въ рукѣ, и мнѣ хотѣлось вытащить его изъ кармана, подбросить скорѣй въ дѣвичью,—а самому пуститься бѣжать безъ оглядки изъ коридора... Но я молчалъ и смотрѣлъ въ щелку двери.

— Что же,—какъ-то особенно тихо и кротко говорила няня въ дѣвичьей, — слезами горю не поможешь!.. Какъ-нибудь обойдется дѣло-то... Другое мѣсто найдешь... Ничего...

Маша ничего не отвѣчала.

— Когда приди,—говорила кухарка Марѳеушка,—на кухню-то... Покоримъ... Да и ночевать если когда придешь... То же... Это ничего. Можно. Жили,—слава Богу,—безъ вражды... Худо-го ничего отъ тебя не видали.

Маша начинала тихо всхлипывать, и мнѣ дѣлалось ее страшно жаль.

— Безъ мѣста долго не пришлось бы ходить,—продолжала Марѳеушка. — Прижилась я здѣсь. Восьмой годъ живу, а то бывало ходишь-ходишь... Бѣда! Какая ежели копеечка была, про черный день зажитая,—всю проживешь... И господа тоже всякіе бываютъ... Плохое наше дѣло... Такъ ежели что—приходи... Ничего... Въ дѣтской-то не завалился ли гдѣ?—обратилась она къ нянѣ.

Я понялъ, что рѣчь шла о ключикѣ.

— Искала вездѣ,—отвѣчала няня,—нигдѣ нѣтъ...

Маша кончила убирать вещи въ корзину и обратилась къ нянѣ:

— Я сегодня-то ужъ переночую здѣсь, Агаѳья Пелагевна...

— Что ты! Господь съ тобой! Куда жъ теперь, на ночь глядя, итти! Конечное дѣло, переночуй. Утро вечера мудренѣе.

— Засидѣлась я съ вами. Пойду посуду мыть,—поднялась Марѳеушка.

Съ нею вмѣстѣ засуетилась и няня.

— Да и мнѣ пора—дѣтямъ постели стелить... Ты, дѣвушка, не горюй. Богъ не выдастъ,—знаешь?—свинья не съѣстъ.

Маша молча увязывала корзину.

Я на цыпочкахъ отошелъ отъ дѣвичьей и бѣгомъ пустился по коридору въ дѣтскую.

Въ дѣтской стоялъ, въ самомъ темномъ углу, большой старый сундукъ, покрытый мохнатымъ пестрымъ ковромъ.

Когда мнѣ бывало тяжело и не хотѣлось ни съ кѣмъ говорить, когда на меня „находилъ капризъ“, какъ говорила няня, я забирался на сундукъ, прижимался плотно къ стѣнѣ—лежалъ и думалъ. Я не помню теперь, о чемъ я тогда думалъ,

но мнѣ становилось легче, я смотрѣлъ, какъ смѣшныя ползучія тѣни скользили по потолку и по стѣнамъ, какъ изъ нихъ выходили смѣшныя маленькіе человѣчки, появлялись странные горбатые звѣри съ длинными ушами, я слушалъ, какъ мѣрно и не спѣша ходилъ взадъ и впередъ маятникъ старыхъ часовъ надо мной,—проходили слезы, и я, счастливый и успокоенный, начиналъ дремать подъ доброе тиканье часовъ,—и просыпался уже въ кроваткѣ, куда меня неслышно переносила няня, и я засыпалъ спокойнымъ, крѣпкимъ сномъ...

Я пришелъ въ дѣтскую и легъ на сундукъ. За стѣной, изъ столовой, доносился голосъ отца. Онъ о чемъ-то горячо говорилъ съ матерью, но мнѣ не хотѣлось слышать долетавшихъ изъ ихъ разговора словъ, и я забился въ самый уголъ и прикрылся ковромъ. Было совсѣмъ темно, я лежалъ и думалъ о Машѣ, обо всемъ, что я слышалъ въ дѣвичьей, думалъ о тѣхъ корабликахъ изъ толстой бумаги, которые такъ мастерски мнѣ клеила Маша, думалъ о томъ, что ее завтра у насъ ужъ не будетъ,—и мнѣ казалось все такимъ непоправимымъ, все, что было — ключикъ, разпросы мамы и няни, слезы Маши и ея разговоры съ матерью, и то, что было въ дѣвичьей...

„Зачѣмъ я лгалъ? Зачѣмъ я не сказалъ всего сразу? — спрашивалъ я самого себя.—Все произошло изъ-за меня. Я всему виной. Теперь все кончено. Всѣ будутъ знать, какой я... злой, лѣнивый, никого не люблю, всѣмъ дѣлаю однѣ неприятности—нянѣ, Машѣ, Васѣ—всѣмъ. И никто меня не любитъ. Всѣ ненавидятъ... И по дѣломъ! И по дѣломъ! Такъ и надо! Такъ и надо!..“

Я все плотнѣе закрывался ковромъ, и мнѣ хотѣлось уйти куда-нибудь, чтобы никто не видалъ, куда я ушелъ, и чтобы скорѣй обо мнѣ всѣ позабыли, потому что я никому ненужный, вредный и всѣмъ ненавистный человѣкъ...

И я давалъ себѣ слово, что—все равно, чѣмъ ни кончится эта исторія съ ключикомъ,—я уйду, убѣгу изъ дому, гдѣ я никому не нуженъ.

„Ну, да, я плохой, злой, я—скверный человѣкъ,—думалъ я,—но кончилось бы это все скорѣй! Я не учу уроковъ, я спряталъ ключикъ, я налгалъ нянѣ,—ну, что жъ? Ну, и пускай! Кому какое дѣло? Пускай! Они всѣ добрые, они хорошіе—и мама, и няня, и Маша, и Вася,—я одинъ злой... Ну, и все равно. Ну, и пусть они меня не любятъ... Пусть оставятъ въ покоѣ. Все равно.“

И я начиналъ тихо плакать отъ жалости къ самому себѣ. Слезы душили мнѣ горло, я еще плотнѣе прижимался къ стѣнѣ, стараясь занимать какъ можно меньше мѣста на сундукѣ.

И когда появились слезы, мнѣ стало легче; не было ужъ горькаго стыда, когда мое горе, моя ложь казались мнѣ такими великими и непоправимыми, и мнѣ стало казаться, что не все еще кончено для меня, есть еще какая-то маленькая надежда, что все пройдетъ и скоро измѣнится, и кончится моя ложь, въ которой я задыхался.

И когда я пересталъ плакать, я почувствовалъ, что я сильно усталъ...

Пришла няня съ Васей и начала укладывать его спать. Вася говорилъ ей что-то соннымъ голосомъ и не хотѣлъ перемѣнять на ночь рубашку... Потомъ няня поставила его на кровати лицомъ къ иконѣ, и онъ, картавя и пропуская цѣлыя слова, повторялъ за нею простыя слова молитвы, которой нѣтъ ни въ какихъ молитвенникахъ, но которую я помню, помню: „Ангель, мой хранитель! Сохрани и помилуй, дай мнѣ сна и покоя, и укрѣпи мои силы“.

Потомъ онъ улегся. Стало совсѣмъ темно, и я началъ дремать. Зеленый огонекъ лампадки дѣлался все меньше и меньше, потомъ стали прыгать нѣсколько огоньковъ, они дрожали и переливались, и я заснулъ...

Разбудила меня няня. Она стояла надо мной и гладила меня по головѣ.

— Встань, батюшка!.. Лучше раздѣнься, какъ слѣдуетъ, и лягъ... А то только сонъ себѣ перебьешь... Ночью будешь просыпаться. Сны тяжелые приснятся... Вставай, милый, вставай!..

Я приподнялся и, протирая глаза, слѣзъ съ сундука.

— Раздѣнешься... помолишься Богу на сонъ грядущій и заснешь себѣ спокойно...

И няня разстегивала на мнѣ воротъ рубашки.

Мнѣ было хорошо. Въ окно дѣтской смотрѣли звѣзды, на чистомъ морозномъ небѣ ихъ было много, и всѣ онѣ были такія радостныя, дрожащія. Мигалъ привѣтливый зеленый огонекъ лампадки, и въ комнатѣ стоялъ мягкій, нѣжный полумракъ.

Я сидѣлъ у себя на кровати, и все было мнѣ такъ ясно... Слова сами приходили откуда-то, и я шепталъ нянѣ, которая сидѣла возлѣ меня:

— Няня... это я... взялъ ключикъ... я... неправду тебѣ ска-
заль... Вотъ онъ...

Няня, улыбаясь, протягивала руку за ключомъ, а мнѣ было такъ просто и легко все ей сказать, и странно мнѣ было, что я не сказалъ этого ей раньше. Я улыбался, я прижимался къ ней и цѣловалъ ея морщинистое милое лицо...

Не было слезъ,—все то, что было недавно, куда-то ушло, безслѣдно ушло, а теперь было другое: была няня, былъ кроткій знакомый полумракъ дѣтской, съ дальними звѣздами на темномъ небѣ, и на душѣ было легко, легко...

С. Дурылинъ.

И н е й.

Однажды зимою.

Шель девятый часъ. Было крѣпкое морозное утро. Только нѣсколько минутъ назадъ взошло солнце. Ударившій ночью морозъ выжалъ изъ воздуха послѣдніе остатки носившагося въ немъ водяного пара, и густой иней длинной бахромой повисъ на деревьяхъ. Липовыя аллеи и куртины вишни въ саду казались сѣрыми. Густая мгла носилась въ воздухѣ, заволакивая и лѣсъ вдаль, изъ-за котораго встало солнце, и небо. Какъ будто кто большой прошелся по этому лѣсу, выколотилъ изъ него всю насѣвшую на него за ночь морозную пыль, и пыль эта поднялась теперь надъ нимъ тяжелымъ мутнымъ облакомъ.

Сквозь носившіеся въ воздухѣ ледяные туманы солнце казалось большимъ розовымъ шаромъ, а вокругъ него, какъ это часто бываетъ въ большіе морозы, виднѣлось рѣзко очерченное свѣтлое кольцо, по бокамъ котораго стояли еще два солнца. Свѣтило сразу три большихъ красныхъ солнца, и багровокрасные лучи ихъ, раскрашивая плававшій въ воздухѣ туманъ и чуть-чуть намѣчавшіеся среди него облачка, ложились на сугробы, какъ сквозь цвѣтное стекло, мягкими розовыми тонами.

Поднимавшійся прямо вверхъ сизыми столбами дымъ изъ топившихся печей на деревнѣ казался по временамъ то фіолетовымъ, то оранжевымъ, то алымъ. Большія розовыя пятна лежали на деревянныхъ стѣнахъ моей комнаты. Серебряныя вѣтви папоротниковъ и пальмъ на стеклахъ сверкали большими ледяными чешуйками, загораясь время отъ времени крупной синей или зеленой искрой.

Высоко, разсѣкая туманъ, носились одинокія вороны, и стайка толстыхъ, распушившихся отъ холода овсянокъ съ желтыми брюшками и ржавыми спинками сидѣли на оледенѣлыхъ вѣтвяхъ березы, роняя внизъ тяжелые комья инея и снѣга.

Овсянки.

Въ моемъ распоряженіи былъ всего одинъ день. Хотѣлось полнѣе использовать свою свободу, и я сказалъ себѣ: „пойду въ „гай“.

Родное сельцо мое, въ которомъ встрѣчалъ я это утро, лежало въ среднемъ Поволжьѣ. По всему восточному горизонту его тянулся пологій и весь заросшій сосновымъ боромъ хребетъ, вдоль котораго текла рѣка Сура въ своей широкой долинѣ. Послѣдніе западные отроги Приволжской возвышенности подходили къ ней огромными подковами, образуя рядъ полосихъ амфитеатровъ, съ лѣсами наверху, съ полями на склонахъ и тучными поемными лугами внизу.

Безчисленныя озера и озерки, остававшіяся на лугу послѣ каждаго половодья, все лѣто питались бѣжавшими къ нимъ со склоновъ родниками и никогда не высыхали. Вся влажная, удобренная нанесеннымъ съ косогоровъ черноземомъ и горячо нагрѣвавшаяся солнцемъ подъ защитой окружавшихъ ее взгорій,

долина рѣки порождала буйную растительность, и весной, какъ только спадала вода, покрывалась сплошными зарослями тростниковъ и луговыхъ травъ, между которыми на далекое про-

Озеро Вѣластое лѣтомъ.

странство тянулись полосы желтыхъ лютиковъ и синей вероники.

Въ одной изъ такихъ котловинъ лежало озеро Вѣластое, все заросшее по берегамъ ивнякомъ, олешикомъ и болотными травами. Оно дѣлилось на одномъ своемъ концѣ на двѣ длинныхъ и широкихъ вѣтви,—за что и получило свое названіе.

И не было во всей округѣ мѣста болѣе недоступнаго для человѣка, болѣе дикаго и таинственнаго, чѣмъ большой ольховый лѣсъ, тянувшійся по топкой трясины на томъ берегу озера. Этотъ-то лѣсъ и звали почему-то по-малорусски „гаемъ“. Это было мѣсто, куда можно было проникнуть только во время разлива рѣки, лавируя на легкомъ рыбацьемъ челнокѣ среди бушующихъ стремнинъ мчавшихся и кружившихся полыхъ водъ, или въ серединѣ зимы, когда замерзали озера и болота. Весною же и лѣтомъ угрюмое и загадочное спокойствіе этого уголка никогда не тревожилось человѣкомъ.

Бывало, подъѣдешь на лодкѣ къ самому берегу, гдѣ подѣ

навѣсомъ наклонившихся деревьевъ любили скрываться ярко раскрашенные зимородки; слушаешь трескъ и свистъ сотенъ камышевокъ въ прибрежныхъ заросляхъ; посмотришь на стайки дроздовъ, улетающихъ куда-то вглубь таинственнаго лѣса; прислушаешься къ крику выпи, гудящее, какъ колоколъ, уханье которой звонко разносилось по чашѣ; ткнешь весломъ въ зыбкую трясину берега и отчалишь обратно.

Вухоль.

А по рассказамъ охотниковъ, которымъ случилось бывать здѣсь въ засушливое лѣто, въ тихихъ озеркахъ, притокахъ и болотахъ гая водились журавли, дикіе гуси и лебеди. Весною выплывали отсюда на озера тысячи выхухольей, съ хоботками и чешуйчатыми хвостами. Здѣсь водился и хищный пушной звѣрокъ норка, который

годъ отъ году попадался все рѣже и рѣже.

Разъ какъ-то и я самъ, запасшись длиннымъ шестомъ и надѣвши на ноги „поршни“—кожаняя туфли, въ которыхъ ходятъ по болотамъ охотники, — пробрался недалеко въ эту загадочную чашу.

Прямая, стройная, покрытая вѣтвями только на самой вершинѣ ольхи росли сразу по нѣскольку штукъ на высокихъ и крутыхъ пьедесталахъ твердой земли, выступавшей изъ болота. Чуть просвѣчивала надъ головой голубая сѣточка неба и внизу лежалъ сѣроватый сумракъ. Еле живые, блѣдные, съ болѣзненно вытянутыми вѣтвями, виднѣлись кое-гдѣ между стволами деревьевъ кустики черной смородины и калины, и тонкіе стебли хмеля уходили высоко вверхъ, къ самымъ вершинамъ деревьевъ отлогими свѣтло-зелеными спиралями.

Протоки между этими гигантскими кочками были завалены толстымъ слоемъ опавшихъ вѣтвей и листьевъ, которые мед-

ленно гнили. Опущенный на дно шесть глубоко уходилъ въ рыхлую тину и огромные пузыри болотнаго газа бурно поднимались на поверхность, распугивая большихъ жирныхъ водомѣрокъ, лѣниво скользящихъ по лужамъ.

Перескакивая съ кочки на кочку и переходя, гдѣ можно, въ бродъ эти опасные протоки, я выбрался на открытое, свѣтлое мѣсто. Нѣсколько лѣтъ назадъ лѣсъ былъ тутъ повырбленъ, и теперъ кочки-пѣдесталы были сплошь покрыты сочной порослью пробивавшихся отъ пней кустовъ, между которыми колыхались непроходимыя чащи толстыхъ и высокихъ веховъ, тростниковъ и плавающихъ водяныхъ растений. Крякали неподалеку утки; дикія курочки цѣлымъ выводкомъ пробирались черезъ болото, прыгая по листьямъ кувшинокъ; смѣло возились у затонушаго дерева длинныя и мягкія водяныя крысы; булькали лягушки; плавали ужи, выставивъ изъ воды свои увѣчанныя коронками головы; шелестѣли зеленыя стрекозы; колыхались въ воздухѣ летучіе столбы комаровъ и мошекъ.

Но дальше пройти не удалось: промежутки между кочками становились все шире, а полужидкая топь между ними—все глубже. И вотъ только теперъ, среди зимы, можно было, наконецъ, проникнуть въ самую глубь этого недоступнаго лѣса.

Около полудня, запасшись ломтемъ чернаго хлѣба и вооружившись длинной палкой, я вышелъ изъ дома.

Морозъ отпустилъ, утренній туманъ опять растворился въ атмосферѣ, и солнце ярко сіяло на зеленоватомъ небѣ. Иней и снѣгъ, чуть-чуть подтаявъ, валились съ деревьевъ на землю тяжелыми комками и ворохами слюдяныхъ пластинокъ.

Широкое поле за деревней, по которому нужно было прой-

Водяная крыса.

ти, чтобы добраться до озера, отсвѣчивало ослѣпительно-бѣлымъ свѣтомъ, поблескивая желтыми и розовыми кристалликами снѣга. Не разъ уже пронесшіяся надъ нимъ бури нанесли на него глубокой пластъ снѣга, неровно покрывшей скованную осенними морозами почву. Долетѣвъ до какой-нибудь стѣны, забора или дерева и ударившись о нихъ, бушующій вѣтеръ сразу поворачиваетъ назадъ, навстрѣчу несущемуся за нимъ порыву, обезсиливаетъ встрѣчное воздушное теченіе, и взвѣшенные въ немъ снѣжинки безсильно опускаются книзу, не долетѣвъ до препятствія. Образуются лунки у деревьевъ и высокіе гребни сугроба возлѣ заборовъ, нависающіе надъ глубокими пещерами, въ которыхъ такъ часто залегаютъ на день зайцы.

Донесшись до кустарника, до прибрежныхъ тростниковъ или прошлогодняго жнивья, гонимые вѣтромъ снѣга застрѣваютъ между ихъ стеблями и ложатся глубокимъ рыхлымъ слоемъ, въ которомъ тонуть ноги. Заполняются мало-по-малу всѣ ложбинки и ямки, изъ которыхъ вѣтру трудно выдуть нападавшія снѣжинки, и глубокіе овраги доверху нагружаются снѣгомъ.

И наоборотъ, встрѣчая на пути своемъ какой-нибудь бугоръ, бушующій вѣтеръ срываетъ и сноситъ съ него малѣйшіе слѣды снѣга, и въ самую снѣжную зиму стоятъ эти бугры среди бѣлой равнины оледенѣлые, промерзлые, черные, съ остатками жиденькой низкорослой травки, которая еще можетъ расти на ихъ „выжженной“ морозомъ почвѣ.

А по легкимъ косогорамъ и уклонамъ, снося съ нихъ рыхлый слой послѣдняго снѣга, разыгравшійся вѣтеръ обнажаетъ покрытую легкой корочкой поверхность уже осѣвшаго и слежавшагося сугроба. Здѣсь поверхность снѣга хорошо выдерживаетъ тяжесть человѣка и блеститъ на солнцѣ веселымъ бѣгающимъ глянцемъ.

Я шель, выбирая такіе именно крѣпкіе склоны, и чѣмъ ближе подходилъ къ Виластому, тѣмъ веселѣе становилась моя дорога. Мертвое, казалось, оледенѣвшее и насквозь пронизанное холодными вѣтрами поле постепенно оживало. Уже давно надъ головой моей, одна за другой, пролетали, направляясь къ усадьбѣ, небольшія стайки овсянокъ, которыхъ всегда можно встрѣтить на дворахъ и гумнахъ вмѣстѣ съ воробьями. А теперь, на межникахъ, обозначавшихся широкими грядочками посохшей полыни и татарника, порхали, кружи-

лись и трепетали цѣлые косяки снѣгирей, чижей, щегловъ и чечетокъ, съ тихимъ свистомъ, урчаніемъ и пискомъ шелушившихъ сѣмена растений, не успѣвшія еще вывалиться изъ соцвѣтій. И когда я совсѣмъ рядомъ съ собой увидѣлъ розовое, желтое и карминовое опереніе этихъ довѣрчивыхъ птичекъ, которыя, какъ свѣжіе весенніе цвѣты, покачивались на сѣрыхъ стебляхъ травы среди бѣлой равнины, мнѣ пришло въ голову, что птицы, остающіяся у насъ на зиму, бываютъ по большей части удивительно красивы.

Несмотря на то, что стояла середина зимы, подойти къ озеру было не такъ-то просто. На пути лежало густо заросшее болото. Иней опалъ уже со скользкихъ побѣговъ ивъ, и заросли ихъ стояли яркими цвѣтными,—желтыми, красными и зелеными,—чашами среди сугробовъ, усыпанныя сухими „ивовыми розами“. Тамъ и сямъ пробивалась между ними густая желтая грива посохшихъ болотныхъ травъ.

Съ горы незамѣтно, подъ снѣгомъ, подбирался сюда ручей и, растекаясь широкой полосой, замерзалъ высокими рябыми вспучинами рыжаго льда, которыя чуть-чуть прогибались и тихо потрескивали подъ ногою, какъ пластины толстой жести.

А еще дальше, подъ глубокимъ слоемъ сугроба, несмотря на зиму, продолжало безостановочно совершаться незамѣтно на глазъ гніеніе отмершей болотной растительности, отчего температура болота держалась на извѣстной высотѣ, не давая

Щеголь (наверху); чижъ (налѣво) и снѣгирь (направо).

ему замерзнуть. Снѣгъ подъ ногами проваливался, и слѣды мгновенно наполнялись водою.

Вилостое открылось между прибрежныхъ ивняковъ безукоризненно бѣлой и ровной полосой, по краямъ которой на далекое пространство тя-

Ивовая роза. Такъ называются уродливые пучки листьевъ, вырастающіе на тѣхъ мѣстахъ, которыя были проколоты насѣкомыми, клавшими подъ кору яйца.

нулись свѣтло-желтые тростники съ необитыми еще вѣтромъ коричневыми метелками. Натянутый и сжатый недавними морозами ледъ время отъ времени лопался у меня подъ ногами и звонкій шелкающій трескъ уходилъ далеко въ сторону, стихая мало-по-малу подъ мягкой тканью снѣга.

У бѣжавшей вдоль берега дороги лежали огромныя глыбы только-что вынутаго льда, пронизанныя длинными пузырями замуравленнаго въ нихъ воздуха и отливашія безконечно прекрасными переливами нѣжнаго голу-

бого и зеленого свѣта. Вскрытая толща льда еще не успѣла затянута, и въ черной пасти проруби зіяла зловѣщая глубь озера.

Водяныя травы давно уже умерли, пропитались водою и, отяжелѣвъ, пошли на дно вмѣстѣ со своими сѣменами. Медленно гнили теперь на слоѣ тины ихъ разлагавшіяся ткани, и вода насыщалась постепенно удушливыми газами. Озеро „затухало“, и трудно становилось дышать зимовавшей въ немъ рыбѣ. И вотъ, нагнувшись надъ прорубью, я видѣлъ, какъ одно за другимъ поднимались въ черной глубинѣ озера толстыя тѣла огромныхъ сазановъ, которые медленно всплывали къ открывшейся отдушинѣ, привлеченные токомъ свѣжаго воздуха. И, блеснувъ

своей металлической чешуей, полусонныя чудовища снова медленно погружались на дно озера.

Болота и протоки въ гаѣ замерзли и покрылись мягкими сугробами, на которыхъ во всѣхъ направленіяхъ шли безчисленные слѣды пробѣгавшихъ здѣсь животныхъ. Больше всего было заячьихъ слѣдовъ, то осторожно ложившихся круглыми ямками, то исчезающихъ въ чащѣ длинными, въ испугѣ начерченными штрихами.

Вотъ широкій, аккуратно выложенный нога въ ногу слѣдъ крупнаго звѣря. Это шелъ волкъ.

Вотъ отпечатались трехугольныя лапки какой-то птицы, которая копалась въ снѣгу, стараясь достать что-то изъ сугроба.

А вотъ безчисленные парные слѣдки маленькихъ мышиныхъ лапокъ. Крошечные полевые звѣрки перекочевали сюда, привлеченные богатымъ урожаемъ ольховыхъ шишекъ и кленовыхъ крылатокъ, которыя въ изобиліи нападали на землю. Тутъ, подъ снѣгами, ведутъ они по всѣмъ направленіямъ свои норки, отыскивая эти шишки и крылатки, зернышки травъ, липовые орѣшки и молодя деревца съ мягкою питательною корою.

А вотъ совсѣмъ свѣжій слѣдъ мыши и рядомъ, наперерѣзъ ему, другой, поразмашистѣй и покрупнѣе. Похоже, что бродячая ласка, выгнавъ полевую мышъ изъ снѣжной траншеи, настигла ее

въ тотъ моментъ, когда она готова уже была спастись подъ корнями поваленнаго полой водою дерева. Снѣгъ примять, и яркая капелька крови краснѣетъ на немъ, какъ спѣлая ягода калины.

Норка.

А рядомъ опять смерть. Въ поставленную къ-то ловушку попалась норка. Тяжелое осиновое полѣно было подвѣшено надъ деревяннымъ жолобкомъ такимъ образомъ, что стоило

Уголокъ зимняго неба. Слева отъ Млечнаго пути: вверху—Капелла изъ созвѣдія Возницы съ двумя другими безымянными звѣздами; въ серединѣ—Касторъ (повыше) и Поллуксъ (пониже) изъ созвѣдія Близнецовъ; ниже всѣхъ — Прокционъ изъ созвѣдія Малаго Пса. Справа отъ Млечнаго пути: въ самомъ верху—звѣздная куча, извѣстная подъ названіемъ Плеядъ, а пониже ея, въ видѣ треугольника, — Гиады съ Альдебараномъ на нижнемъ концѣ; обѣ эти группы звѣздъ входятъ въ созвѣдіе Тельца; ниже, въ видѣ четырехугольника, созвѣдіе Оріона; правая звѣзда его — Ригель, лѣвая—Бетейгейзе; по-средиѣ его линія звѣздъ, извѣстная подъ названіемъ Посоха Іакова; ниже всѣхъ — Сиріусъ изъ созвѣдія Большого Пса.

чуть-чуть надавить на лежавшую въ этомъ жолобкѣ пластинку, какъ оно срывалось со сторжка и падало. Въ жолобокъ было положено мясо. Бродившій по лѣсу звѣрокъ соблазнился приманкой и былъ придавленъ свалившейся на него тяжестью. И такъ застылъ онъ въ жестокую морозную ночь, съ перебитымъ хребтомъ и съ растопыренными перепончатыми лапками. Густая кровь замерзла на бѣлыхъ губахъ, просочившись между оскаленными зубами, и большіе потухшіе глаза подернулись бѣлыми иголочками инея. А неподалеку, перелетая съ одной вершины на другую, стрекотали уже падкія на трупы сороки.

Чѣмъ рѣже становилась чаща и чѣмъ больше пробивалось изъ снѣга богатыхъ съменами вьющихся рас-

тений,—всевозможныхъ горошковъ, чинъ и хмеля,—тѣмъ гуще становилось птичье населеніе. Чижи, щеглы и чечотки носились теперь надъ лѣсомъ огромными стаями и, разсаживаясь на вершинахъ ольхъ, покрывали ихъ, какъ листвою. Большія желтыя и

крошечныя бѣлыя синицы съ необыкновенно длинными хвостами, перепархивая, подпрыгивая, вертясь и подвѣшиваясь внизъ головою, странствовали такими же стаями по лѣсу, стараясь не отстать отъ милыхъ и веселыхъ поползней, за которыми онѣ всегда почему-то летаютъ. Съ хриплымъ, пронзительнымъ крикомъ взлетали вдругъ изъ чащи нарядныя хохлатыя сойки съ голубыми зеркальцами на крыльяхъ, и совсѣмъ на виду, показывая свои красныя хвосты и головы, скользили вверхъ и внизъ по стволамъ не улетающіе на зиму пестрые дятлы.

А короткій зимній день между тѣмъ угасаль, и опять огромное красное солнце стояло надъ дальнимъ лѣсомъ, постепенно подтаивая и разсасываясь между его вершинами. Опять крѣпчалъ морозъ, и красная пыль разлеталась по небу.

Обратно на озеро я выбрался совсѣмъ уже ночью, когда исчезла послѣдняя полоска зари и глубокое безоблачное небо засвѣтилось звѣздами. Было жутко и весело среди молчавшей и словно слушавшей поймы. Сухо похрустываль крѣпкій снѣгъ подъ ногами, лопалось отъ холода дерево, серебристый туманъ заволакиваль опушку лѣса и большой, должно быть старый, филинъ страшнымъ голосомъ покрикиваль въ чащѣ. А впереди, на полугорѣ, виднѣлись уже сквозь чащу сада красныя огоньки усадьбы.

И, пересѣкая мерцавшее матовымъ свѣтомъ поле, я думаль, что вотъ въ одинъ день накопилъ я столько свѣтлыхъ и глубоко меня взволновавшихъ впечатлѣній, которыя долго будутъ потомъ пробуждать во мнѣ чувство искренней радости. И какъ-то самъ собой приходилъ на умъ отрывокъ стихотворенія:

„Намъ къ счастью прочному открыты три дороги,
Одна изъ нихъ—любить природы красоту,
Цѣнить и солнца блескъ, и грозныхъ бурь тревоги,
Спокойный видъ долинъ, горъ дальнихъ высоту.
Кто съ давнихъ лѣтъ привыкъ съ любовью и вниманьемъ
Въ былинкѣ и цвѣткѣ, во всемъ, что видитъ глазъ,
Подмѣтить прелесть формъ и жизни трепетанье,
Тотъ чистыхъ радостей всегда хранить запасъ“.

Вся ширь души открывалась навстрѣчу этой удивительной, могущественной, безконечно разнообразной и безконечно прекрасной природѣ. А надъ головой все ярче и ярче разгорался среди густѣвшей ночи тотъ весь усыпанный звѣздами уголокъ нашего неба, который открывается только зимою. Четырьмя

крупными брильянтами свѣтилось четырехугольное, перерѣзанное „посохомъ Іакова“ созвѣздіе Оріона. Четко рисовался среди чуть уловимыхъ глазомъ воздушныхъ теченій начерченный, какъ по линейкѣ, треугольникъ Гіадъ съ насаженнымъ на него краснымъ Альдебараномъ, свѣтилось туманное облачко Плеядъ, въ глубинѣ котораго создаются новыя солнца, тихо мерцали Близнецы, а среди затушеванныхъ туманомъ вершинъ гая восходилъ уже огромный искристый Сиріусъ. И рѣзкими длинными штрихами бороздили небо падающія звѣзды...

П. Кротковъ.

Ч а й к а .

Носится чайка надъ моремъ,
Въ синемъ просторѣ сверкая,
Съ крикомъ тоскливымъ, призывнымъ,
Носится чайка морская.

Море и небо смѣшались
Въ хаосѣ, грохотѣ дикомъ...
Борется чайка съ грозюю,
Бурю привѣтствуетъ крикомъ.

Трудно... Замѣтно слабѣютъ
Отяжелѣвшія крылья.
Вотъ уже бѣлые гребни
Чайку собою покрыли...

Мигъ—и изъ яростной пѣны,
Вся серебрясь и сверкая,
Гордо возносится къ небу
Бѣлая чайка морская!

О. Жукъ.

Берегъ моря у рыбацкаго поселка.

Герои морскихъ береговъ.

(Продолженіе.)

ГЛАВА II.

Спасательная станція.

Буря, наконецъ, прекратилась. Слѣдующее утро было ясное, тихое и холодное; голубое небо ласково раскинулось надъ моремъ и островомъ, а морскія волны, словно играя, съ тихимъ плескомъ набѣгали на береговья дюны.

Въ домѣ берегового смотрителя все было тихо. Оба старшіе брата, несмотря на свою тяжелую утрату, крѣпко спали, измученные этой ужасной ночью. Клаусъ тоже не просыпался, пока не разсѣялись утреннія сумерки; и только яркій солнечный свѣтъ, пробившись въ маленькое окошечко, разбудилъ мальчика.

Клаусъ протеръ глаза, посмотрѣлъ на очагъ и очень удивился, не замѣтивъ тамъ обычнаго огня. Это даже нѣсколько испугало его. Онъ вдругъ сразу вспомнилъ, что вчера была ужасная буря, а его отецъ и братья выѣхали въ море спасать капитана Сванхолта; все это онъ узналъ отъ сосѣдки, старой вдовы Гредъ, которая помогала Ординерамъ управляться

съ хозяйствомъ. При этомъ воспоминаніи мальчикомъ овладѣлъ такой безотчетный страхъ, что онъ быстро вскочилъ съ постели и поспѣшилъ за перегородку къ братьямъ. Увидѣвъ, что оба они спятъ, Клаусъ вздохнулъ съ облегченіемъ. Но едва онъ кинулъ взглядъ на пустую, несмятую кровать отца, какъ имъ вновь овладѣло ужасное предчувствіе, и онъ громко вскрикнулъ:

— А гдѣ же отецъ?

Его крикъ разбудилъ братьевъ; они вскочили и оба тутъ же съ ужасомъ вспомнили все, что произошло вчера. Обоихъ охватила любовь и жалость къ мальчику: Клаусъ еще малъ, онъ былъ любимцемъ отца, и ему, должно быть, особенно тяжело потерять отца. Полуодѣтые, такъ какъ вчера ночью въ страшной усталости бросились они на кровать, братья кинулись къ Клаусу. Мальчикъ стоялъ блѣдный, съ широко раскрытыми, испуганными глазами.

Братья протянули къ нему руки, какъ будто каждый изъ нихъ желалъ прижать мальчика къ груди; нѣсколько секундъ они стояли, обнявшись и тѣсно прижимаясь другъ къ другу. Наконецъ, Вильмъ первый произнесъ дрогнувшимъ голосомъ:

— Нашъ отецъ теперь на небѣ, Клаусъ.

Мальчикъ это уже понялъ; онъ громко рыдалъ и прижался къ Вильму. Братъ положилъ ему на голову свою широкую руку и сказалъ такъ мягко, какъ только позволялъ его грубый голосъ:

— Бѣдный мой мальчикъ! Теперь я буду для тебя отцомъ.

При этихъ словахъ Кнутъ весь вспыхнулъ. Онъ тоже всей душой любилъ мальчика, и ему было досадно, что Клаусъ въ эту грустную минуту съ большей любовью прижимается къ старшему брату. Поэтому онъ сердито спросилъ:

— И его ты тоже сдѣлаешь морякомъ?

— Но вѣдь и отецъ этого хотѣлъ! Ну, да объ этомъ мы поговоримъ послѣ,—спокойно возразилъ Вильмъ.

— Значитъ, тебѣ хочется, чтобы и мальчикъ погибъ какъ отецъ?

Кнутъ говорилъ рѣзко и насмѣшливо, но Вильму не хотѣлось ссориться, и онъ сказалъ примирительно:

— На все Божія воля!

— Это-то вѣрно, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы мы сами напрашивались на свою гибель, и я не хочу, чтобы Клаусъ былъ морякомъ.

— Давайте-ка разведемъ огонь и поставимъ супъ. Надо итти на берегъ посмотрѣть, не выкинули ли волны тѣло отца,— вмѣсто отвѣта сказала Вильмъ.

Всѣ быстро принялись за работу. Скоро на очагѣ весело потрескивалъ огонь; Кнутъ нарѣзалъ хлѣба, и всѣ, быстро одѣвшись, усѣлись за простой дымящейся завтракъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Клаусъ положилъ свою ложку.

— Я не могу ѣсть, у меня кусокъ въ горло не идетъ,— печально сказалъ онъ.

Слезы опять покатались по его щекамъ.

— Ну, полно, мальчикъ!—сказалъ Вильмъ.—Отецъ умеръ честно, я не желалъ бы себѣ лучшей смерти; онъ вчера какъ будто предчувствовалъ свою кончину.

— Какъ?—удивился Кнутъ.

— Онъ вчера совсѣмъ неожиданно для себя нашелъ прядь волосъ нашей покойной матери,—а вѣдь это означаетъ близкую смерть.

— Не болтай такого вздора!—вскричалъ Кнутъ и, бросивъ съ сердцемъ ложку, быстро вышелъ изъ комнаты.

— А я все-таки буду морякомъ!—прошепталъ Клаусъ, прижавшись къ старшему брату.

Вильмъ молча гладилъ его по головѣ. Черезъ нѣсколько минутъ Вильмъ поднялся.

— Ты бы пошелъ наколотъ дровъ, Клаусъ; за работой легче забыть горе. А я пойду на берегъ.

Клаусъ направился къ дровяному сараю. Слезы катились у него по щекамъ, пока онъ кололъ дрова, и не разъ его рыданія прерывали работу.

Между тѣмъ Вильмъ перешелъ дюны и подходилъ къ берегу. Солнце ярко сіяло на голубомъ небѣ и озаряло своими золотыми лучами чуть-чуть колеблющееся море; ничто не напоминало о сильной бурѣ предыдущей ночи. Далеко въ морѣ виднѣлись паруса рыбацкихъ лодокъ; небольшія волны съ легкимъ плескомъ, точно съ тихой жалобой, набѣгали на песчанья дюны. На самомъ берегу Вильмъ встрѣтилъ Кнута, бродившаго съ опущенной головой, и направился къ брату. На волнахъ около самага берега лѣниво покачивалась ихъ лодка.

— Отецъ ужъ никогда больше не сядетъ въ нее,—показалъ Вильмъ на лодку.

Кнутъ ничего не отвѣтилъ.

— Ты смотришь, не выбросятъ ли его намъ волны? Я боюсь, что сегодня мы не найдемъ его. Можетъ-быть, дня черезъ два-три...

— Можетъ-быть,— машинально повторилъ Кнутъ.

— А все-таки,— продолжалъ Вильмъ,— поищемъ на всякій случай вдоль берега.

Кнутъ не тронулся съ мѣста. Глядя въ упоръ на печальное лицо брата, онъ мрачно произнесъ:

— Скажи, что мы будемъ дѣлать съ Клаусомъ?

— Не стоитъ говорить объ этомъ сегодня, Кнутъ. Время еще терпитъ. Отецъ хотѣлъ, чтобы мальчикъ былъ морякомъ, да и самъ онъ этого хочетъ.

— А по-моему онъ не долженъ итти въ моряки!— волновался Кнутъ.— Или ты хочешь, чтобы и онъ такъ же погибъ, какъ отецъ. Онъ мнѣ дорогъ, какъ и тебѣ, можетъ-быть, даже еще дороже, и я не хочу, чтобы онъ ежедневно подвергался смертельной опасности. Пусть мальчикъ ѣдетъ въ Эмденъ и научится тамъ какому-нибудь честному ремеслу.

— Честному? А развѣ трудъ рыбака ты не считаешь честнымъ?

— Не придирайся къ словамъ, Вильмъ. Я говорю про занятіе, которое можетъ доставить спокойное обезпеченіе, какъ, напримѣръ, столярное ремесло или плотничество.

— Неужели, Кнутъ, ты хочешь принудить Клауса къ работѣ, къ которой его вовсе не тянетъ?

— Мальчикъ ничего еще не понимаетъ. Это ужъ наше дѣло позаботиться о немъ. Но прежде всего онъ долженъ на нѣкоторое время уѣхать отсюда, чтобы познакомиться съ другими людьми, увидѣть и другія занятія. Довольно ужъ того, что я всю жизнь прожилъ на этомъ островѣ.

— Во всякомъ случаѣ не будемъ рѣшать этого сегодня. И знаешь, Кнутъ: вчера отецъ, предчувствуя свою близкую кончину, поручилъ мнѣ заботу о Клаусѣ. Я далъ ему слово, что мальчикъ всегда сохранитъ уваженіе къ занятію своего отца и любовь къ нашему маленькому острову и къ синему морю.

— Ахъ, вотъ какъ!— насмѣшливо прервалъ Кнутъ брата.— Ты, значитъ, назначенъ опекуномъ надъ мальчикомъ и, можетъ-быть, даже надо мной?

— Что ты сердишься, Кнутъ?

— Да, я знаю, тебя всѣ здѣсь любятъ и уважаютъ, а меня

никто. И это, конечно, потому, что ты такой же, какъ всѣ фрисландскіе рыбаки, а я похожъ на мою бѣдную мать. Она всегда казалась здѣсь чужестранкой, на нее всѣ смотрѣли съ пренебреженіемъ. Меня нисколько не удивить, если ты, получивъ наслѣдство отца, въ одинъ прекрасный день вышвырнешь меня изъ дому.

— Перестань, Кнутъ! — вскричалъ Вильмъ, задѣтый за живое.

Онъ взялъ было брата за руку, но Кнутъ тотчасъ же съ гнѣвомъ отдернулъ ее.

— Оставь меня! А о мальчикѣ мы поговоримъ, — съ этими словами онъ сердито повернулся и пошелъ вдоль берега.

Нѣсколько минутъ Вильмъ смотрѣлъ ему вслѣдъ. Потомъ онъ тоже пошелъ вдоль берега, устремивъ глаза на море. Онъ опять думалъ о покойномъ отцѣ, и каждая темная тѣнь, пробѣгавшая по волнамъ, казалась ему трупомъ отца.

Какъ только Кнутъ разстался съ братомъ, гнѣвъ его сейчасъ же прошелъ, и его охватило раскаяніе. Онъ шелъ впередъ и тоже искалъ глазами въ волнахъ трупъ дорогого имъ обоимъ покойника.

Проходили часы, ни Кнутъ, ни Вильмъ не возвращались. Клаусъ долго кололъ дрова, потомъ пошелъ въ хлѣвъ къ овцамъ, подсѣлъ къ нимъ и началъ повѣрять имъ свое горе, какъ будто онѣ могли его понять. Животныя тарасили на него свои робкіе глаза и громко блеяли, словно желая его утѣшить.

Наконецъ, мальчикъ вернулся въ кухню. Вскорѣ туда пришла старушка сосѣдка, чтобы прибрать у нихъ въ комнатѣ. Она увидѣла плачущаго мальчика и ласково начала его утѣшать. Пока старушка разводила подъ котелкомъ огонь и варила картошку, Клаусъ сѣлъ на постель отца. Весело пылало на очагѣ пламя, а мальчикъ задумчиво смотрѣлъ на него и молча гладилъ рукой одѣяло на постели, какъ будто бы это былъ самъ отецъ. Сердце его разрывалось отъ горя. Онъ снялъ съ гвоздя фуражку, натянулъ на себя шерстяную куртку и, не обращая вниманія на сосѣдку, которая что-то кричала ему вслѣдъ, выбѣжалъ на улицу.

Легкій береговой вѣтеръ освѣжилъ его. Солнце, ярко сіявшее на голубомъ небѣ, проникало ему въ душу, а тихій плескъ моря, казалось, ласкалъ его. Ахъ, если бы еще хоть одинъ разъ увидѣть отца и посидѣть около него! Мальчикъ

подошелъ къ самому берегу, не обращая вниманія на множество интересныхъ предметовъ, которые прежде всегда радовали его, хотя онъ много разъ уже видалъ ихъ. Море выбросило на песокъ множество разноцвѣтныхъ красивыхъ раковинъ, которыя блестѣли и переливались нѣжными голубыми и красными тонами подъ яркими лучами солнца. Тутъ же лежали четырехугольныя яйца скатовъ, виднѣлся нарядный шатеръ морского ежа, нѣжныя морскія звѣзды, между которыми притаился ракъ - отшельникъ. Клаусъ не обращалъ вниманія на всѣ эти прелести и топталъ, самъ того не замѣчая, изящныя раковины своими грубыми башмаками. Его глаза были устремлены на катящіяся волны.

Вдругъ взгляды Клауса упалъ на темный предметъ, который то поднимался, то опускался на волнахъ. Мальчикъ не могъ оторвать отъ него глазъ, и когда этотъ неизвѣстный предметъ приблизился, онъ разглядѣлъ, что это было тѣло человѣка. Когда солнце освѣтило лицо утопленника, рѣзко выдѣлявшееся на темной водѣ, мальчикъ громко вскрикнулъ и бросился въ море навстрѣчу плывущему тѣлу. Онъ узналъ отца.

Въ это время большая волна приблизила къ нему тѣло, такъ что мальчикъ схватилъ тѣло отца своими дрожащими пальцами за одежду и дотащилъ его до берега. Любовь и отчаяніе придали мальчику силы вытащить тяжелое тѣло на берегъ. Тамъ онъ, задыхаясь, съ громкимъ рыданіемъ, опустил на землю рядомъ съ покойнымъ. Мальчикъ точно не замѣчалъ, что члены покойнаго уже окоченѣли; онъ нѣжно гладилъ его лицо и руки и говорилъ ему слова любви, какъ будто тотъ могъ его услышать. Клаусъ такъ долго сидѣлъ около отца, что, наконецъ, сильно замерзъ, несмотря на то, что былъ ясный ноябрьскій день и солнце весело сіяло на голубомъ небѣ. Онъ оглянулся кругомъ, точно пробуждаясь отъ тяжелаго сна. Кругомъ все было пусто, точно вымерло, и только невдалекѣ высился огромный бѣлый маякъ. Мальчикъ быстро пошелъ туда. Скорая ходьба согрѣла его. Не здороваясь, запыхавшись, онъ вошелъ въ комнату маячнаго сторожа Томаса Кёгге.

Это былъ сѣдой широкоплечій человѣкъ съ угрюмымъ лицомъ, на которомъ свѣтилась пара чистосердечныхъ глазъ.

Томасъ сидѣлъ вмѣстѣ съ сыномъ за столомъ, передъ ними стояла обычная ѣда рыбаковъ: чашка картофеля и вареная рыба. Клаусъ остановился у раскрытой двери и громко крикнулъ:

— Тамъ лежитъ отецъ. Помогите!

Оба мужчины не испугались этого крика; они хорошо поняли, о чемъ говоритъ мальчикъ. Они надѣли куртки и шляпы, достали изъ чуланчика носилки, не разъ уже служившія для такой же печальной цѣли, положили на нихъ большое толстое одѣяло и пошли за мальчикомъ. Скоро всѣ они стояли около покойнаго и нѣсколько секундъ молча смотрѣли на его неподвижное загорѣлое лицо. Старый маячный сторожъ сложилъ набожно руки, и его мрачное лицо приняло мягкое, теплое выраженіе.

— Да пошлетъ тебѣ Господь царство небесное, бѣдный Асмусъ Ордингеръ,—сказалъ онъ,—ты много вынесъ въ своей жизни. Приподыми-ка его, Юргенъ,—прибавилъ онъ вполголоса.

Они положили покойнаго на носилки, прикрыли его одѣяломъ и медленно пошли черезъ дюны; Клаусъ брелъ за ними. Онъ больше не плакалъ. Около маленькихъ домиковъ, мимо которыхъ они пронесли носилки, они встрѣчали то ребятшекъ, то женщинъ, и всякій при взглядѣ на это печальное шествіе догадывался о томъ, что случилось.

Скоро вѣсть, что волны прибили къ берегу тѣло берегового зрителя, облетѣла всю деревню.

Между тѣмъ маячный сторожъ съ сыномъ подошли съ своей ношей къ дому Ордингеровъ и вошли въ сѣни. Въ передней носилки опустили на полъ. Старушка сосѣдка откинула съ постели одѣяло.

— Не кладите его здѣсь; отнесите его въ парадную горницу,—сказалъ Клаусъ.

Въ каждой рыбацкой хижинѣ есть такая парадная комната, которую даже самый простой рыбакъ уставляетъ самой лучшей мебелью и украшаетъ различными рѣдкостями и драгоценностями, собранными имъ и его предками во время ихъ плаваній и путешествій.

Рыбаки снова подняли утопленника и внесли его въ парадную комнату. Съ потолка комнаты свѣшивались страусовыя яйца, въ стѣнномъ шкафу виднѣлись сквозь стеклянныя дверцы рядомъ съ кокосовыми орѣхами красивыя китайскія чашки, испанскія и португальскія фляжки и другія бездѣлушки. Вода капала съ насквозь промокшей одежды Ордингера и образовала на полированныхъ доскахъ пола цѣлую лужу, но никто не обращалъ на это вниманія.

Между тѣмъ въ комнату все больше и больше собиралось мужчинъ и женщинъ, большею частью стариковъ, которые не ѣздили уже на рыбную ловлю. Они окружили носилки и переговаривались шопотомъ между собой.

Въ это время въ комнату вошли Вильмъ и Кнутъ. Сосѣди уступили имъ мѣсто около покойнаго и стали молча расходиться. Скоро въ комнатѣ, кромѣ братьевъ, никого не осталось.

Парадная комната фрисландца. Въ стѣнѣ сдѣлана ниша для постели.

— Помолимся за него,—сказаль Вильмъ. Всѣ набожно сложили руки и вмѣстѣ прочли вполголоса „Отче нашъ“.—А теперь переодѣнемъ его.

Черезъ четверть часа береговой смотритель лежалъ тихо и мирно въ своей лучшей одеждѣ на своемъ послѣднемъ ложѣ. Кнутъ вложилъ въ его сложенные руки зеленую вѣточку размарина, который росъ въ горшкѣ на окошкѣ.

Подъ вечеръ пришла фрау Венке Сванхольтъ.

— Онъ умеръ изъ-за моего мужа, и я въ этомъ виновата,—говорила она, рыдая.

— Полноте, фрау Венке,—утѣшалъ ее Вильмъ.—Во всемъ Божія воля. На мѣстѣ отца Сванхольтъ сдѣлалъ бы то же самое.

— Это правда, но я вамъ буду вѣчно благодарна, особенно тебѣ, Кнутъ, безъ тебя...

— Ну, будетъ ужъ, — пробормоталъ смущенно молодой рыбакъ.

— А какъ себя чувствуетъ Сванхольтъ?—спросилъ Вильмъ.

— Слава Богу! Онъ теперь въ сознаниі,—отвѣтила бѣдная Венке,—но онъ все еще не можетъ пошевелить ни однимъ членомъ и едва владѣетъ языкомъ. За часъ передъ этимъ былъ у насъ докторъ и сказалъ, что врядъ ли мужъ когда-нибудь совершенно оправится. Но все же онъ теперь съ нами! Какъ-нибудь мы да будемъ перебиваться, можетъ-быть, намъ не будетъ ужъ очень-то плохо.

У фрау Венке было много мужества, и ея бодрость утѣшительно подѣйствовала на обоихъ братьевъ. При прощаніи она сказала имъ:

— Приходите когда-нибудь къ Сванхольту; и ты тоже приходи, Клаусъ: у насъ найдется кое-что, чтобы тебя порадовать.

Она поцѣловала мальчика въ лобъ и, пожавъ руки старшимъ братьямъ, вышла изъ комнаты.

На третій день берегового смотрителя похоронили. Было воскресенье. Вся деревня вышла проводить покойнаго. Маленькій церковный колоколъ жалобно звенѣлъ, пока печальное шествіе проходило черезъ кладбищенскія ворота и затѣмъ медленно потянулось между низенькими песчаными холмиками къ приготовленной уже могилѣ, рядомъ съ могилой покойной жены Ордингера. Рыбаки съ набожно сложенными руками, съ серьезными лицами стояли кругомъ и внимательно слушали проповѣдь стараго пастора. А тотъ говорилъ, что покойный принесъ себя въ жертву любви къ ближнему и что смерть его была честна и прекрасна.

Когда пасторъ кончилъ, могилу Асмуса Ордингера забросали пескомъ. Затѣмъ всѣ прочли „Отче нашъ“ и, пожавъ руки сыновьямъ покойнаго, покинули кладбище. Здѣсь, на маленькихъ песчаныхъ холмикахъ, стояло уже много деревянныхъ крестовъ, на которыхъ можно было прочесть краткія надписи: „Онъ погибъ въ волнахъ“, или еще короче: „Онъ утонулъ“. То же можно было прочесть черезъ нѣсколько дней и на могилѣ Ордингера.

При выходѣ съ кладбища Клаусъ прижался къ старшему брату, схватилъ его за руку и прошепталъ ему:

— Я не хочу никѣмъ быть, кромѣ рыбака или моряка, Вильмъ!

Братъ отвѣтилъ ему только пожатіемъ руки.

Послѣ обѣда Вильмъ зашелъ къ капитану Сванхольту. Его домикъ былъ самый веселый на всемъ островѣ. Онъ стоялъ на высокомъ холмѣ, недалеко отъ башни маяка, и смотрѣлъ прямо на море своими выбѣленными стѣнами. Лѣтомъ маленькій садикъ передъ домомъ былъ красиво засаженъ, такъ какъ

фрау Венке любила цвѣты и зелень. Въ саду даже была устроена бесѣдка, окруженная густой зеленью. Но теперь, конечно, здѣсь все было пусто и голо, а въ самомъ домикѣ и вокругъ него царилъ тишина.

Когда Вильмъ вошелъ въ комнату, у больного былъ докторъ, только-что приѣхавшій изъ города. Сванхольтъ все еще лежалъ неподвижно, только лѣвая рука его слегка шевелилась; при видѣ Вильма въ глазахъ капитана блеснула благодарность: очевидно, онъ узналъ вошедшаго. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но только неясные звуки съ трудомъ срывались съ его губъ. Докторъ попросилъ его замолчать.

Кончивъ осмотръ больного, докторъ Бендеръ участливо началъ спрашивать Вильма о томъ, какъ произошло несчастье

съ ихъ отцомъ. Затѣмъ разговоръ перешелъ на опасности, какія ждуть моряковъ и рыбаковъ у восточно-фрисландскаго берега. Докторъ говорилъ, что здѣсь необходимо бы было поскорѣе устроить спасательную станцію.

— Это было бы хорошо, но кто возьметъ на себя всѣ хлопоты и расходы по этому дѣлу?—спросилъ Вильмъ.

— Я согласенъ принять это дѣло въ свои руки, а устроить станцію нѣмецкое „общество для спасенія потерпѣвшихъ кораблекрушеніе“,—возразилъ докторъ.

— Развѣ существуетъ такое общество?—спросилъ молодой рыбакъ.

— Неужели вы объ этомъ ничего не знаете?—въ свою очередь удивился докторъ.—Это общество работаетъ уже нѣсколько лѣтъ. Уже много человѣческихъ жизней спасло оно. Основано было это общество въ Англии, такъ какъ у ея береговъ постоянно случались кораблекрушенія. Въ концѣ прошлаго столѣтія въ Англии образовались маленькія общества для подачи помощи потерпѣвшимъ крушеніе; эти общества въ 1824 г. соединились другъ съ другомъ, а приблизительно въ 1850 году образовали одинъ громадный, тѣсно сплоченный союзъ, который по всему великобританскому берегу устроилъ прекрасныя, снабженныя всѣмъ необходимымъ, спасательныя станціи. Это общество спасло десятки, сотни тысячъ человѣческихъ жизней.

— О, это удивительно интересно!—сказалъ Вильмъ.

— У насъ въ Германіи,—продолжалъ докторъ,—это дѣло началось только съ 1860 года. Въ различныхъ нѣмецкихъ приморскихъ городахъ образовались общества спасенія, которыя въ 1865 году соединились въ нѣмецкое „общество для спасенія потерпѣвшихъ кораблекрушеніе“. Во главѣ этого дѣла всталъ городъ Бременъ. Теперь это дѣло сильно разрослось, но впереди еще много работы, еще во многихъ важныхъ мѣстахъ нѣтъ спасательныхъ станцій. Общество нуждается и въ отважныхъ людяхъ, готовыхъ пожертвовать своею жизнью для спасенія ближняго, и въ деньгахъ. Только при поддержкѣ всего нѣмецкаго народа можно устроить по всему берегу частныя спасательныя станціи. Общество это оплачиваетъ служащихъ, снабжаетъ станціи всѣмъ необходимымъ для спасенія погибающихъ, заботится о вдовахъ и сиротахъ тѣхъ людей, которые погибли, спасая другихъ.

— О, это чудное дѣло!—сказала Венке.—А мы-то живемъ

здѣсь и ничего не знаемъ. А что необходимо завести для спасательной станціи?

— По крайней мѣрѣ, прочный крѣпкій домъ и 10 или 12 надежныхъ людей, подъ управленіемъ одного старшины. Во время бури они всегда должны быть на мѣстѣ, чтобы, получивъ извѣстіе о кораблекрушеніи, сейчасъ же приняться за дѣло. Они подаютъ несчастному судну сигнальныя ракеты и немедленно приступаютъ къ работѣ: посылаютъ погибающимъ лодки, спасательныя кольца или спасательныя выстрѣлы, смотря по тому, въ чемъ они нуждаются. Нѣмецкое общество употребляло сначала особаго устройства большія деревянныя лодки, но къ нашимъ плоскимъ берегамъ такія лодки мало пригодны, а потому онѣ были замѣнены легкими лодочками изъ жести. Самое первое, что вы должны сдѣлать, это завести здѣсь такую лодку. Необходимо пріобрѣсти также спасательныя выстрѣлы, или ракеты. Они нужны для того, чтобы перебросить канаты на находящееся въ опасности судно, чтобы соединить его такимъ образомъ съ землей. Съ помощью этого каната спасательная лодка можетъ подойти ближе къ разбитому кораблю, и ей удастся перебросить туда буи и другіе спасательныя снаряды. Спасательныя кольца и пробковыя куртки не даютъ морякамъ утонуть. Такая куртка можетъ продержаться на водѣ цѣлый день самаго тяжелаго мужчину въ шерстяной одеждѣ и грубыхъ сапогахъ.

— И всѣмъ этимъ вы можете снабдить насъ? — спросилъ Вильмъ.

— Да, я надѣюсь, что мнѣ удастся это устроить. И знаете, кого я уже намѣтилъ на должность старшины спасательной станціи? — сказалъ докторъ. — Вильма Ордингера.

— Меня? — спросилъ съ удивленіемъ молодой рыбакъ.

Но Венке перебила его:

— Лучшаго старшины не найти; онъ мужественъ и хладнокровенъ, а это какъ разъ то, что нужно. А что онъ хорошо знаетъ море, это вы и сами понимаете.

Въ декабрѣ было получено извѣстіе, что скоро на островѣ будетъ устроена спасательная станція, и было рѣшено, какъ только позволитъ погода, начать постройку дома для сторожа. Мѣсто для дома нужно было выбрать по возможности высокое и открытое. Вильмъ былъ назначенъ на должность стар-

шины въ спасательной станціи. Кнутъ все время молчалъ, пока шли приготовленія и переговоры по этому дѣлу, но когда стали набирать экипажъ для спасательной лодки, онъ попросилъ принять и его въ число матросовъ.

Все необходимое для спасенія погибающихъ на морѣ.

Прежде чѣмъ наступила весна, на дюнахъ уже былъ выстроенъ маленькій прочный домикъ, возлѣ котораго подымалась высокая мачта; на ней висѣлъ колоколь, который долженъ былъ во время бури подавать сигналы. На самой вершинѣ мачты развѣвался флагъ общества спасенія. Всѣ необходимые снаряды были уже готовы и при помощи заинтересованныхъ жителей все было приведено въ образцовый порядокъ. Тутъ были паруса и канаты, весла и якоря, ракеты, сигнальные фонари, буи и т. д. Была даже маленькая аптечка, а на стѣнахъ и воротахъ дома были вывѣшены наставленія къ употребленію лѣкарствъ и правила при оказаніи первой помощи утонувшимъ. Но больше всего заинтересовала всѣхъ лодка и другіе спасательные снаряды.

День открытія станціи былъ настоящимъ праздникомъ для жителей острова. Къ этому дню съ материка пріѣхало много гостей. Вокругъ только-что выстроеннаго сторожевого домика, нарядно украшеннаго сосновыми вѣтвями, собралась огром-

ная толпа народа. Венке Сванхольтъ прикатила на креслѣ своего мужа; онъ выглядѣлъ теперь гораздо лучше, могъ уже говорить, но правая сторона его тѣла оставалась парализованной, а ноги отказывались ему служить.

Инспекторъ общества сказалъ рѣчь. Онъ объяснялъ значеніе спасательныхъ станцій и обязанности членовъ общества спасенія отъ кораблекрушенія.

Разукрашенная спасательная лодка стояла на повозкѣ, запряженной парой сильныхъ лошадей, которыя должны были отвезти ее къ самому берегу. Лодка была 10½ аршинъ длинной, глубиной 6 вершковъ (26 сантиметровъ) и вѣсила около 68 пудовъ. Она была сдѣлана изъ жести и могла ходить подъ парусами и на веслахъ, а сзади, спереди и съ боковъ ея были устроены ящики съ воздухомъ.

За повозкой съ лодкой нѣсколько человекъ несли ящикъ съ канатами, пробковыми куртками, спасательными буями, полотномъ, снарядамъ для стрѣльбы и такъ далѣе. Сзади шелъ Вильмъ и другіе члены общества въ форменной одеждѣ. Ше-

Вывозъ спасательной лодки.

ствіе замыкали пріѣхавшіе гости и толпа рыбаковъ и моряковъ съ острова.

Сначала на берегу состоялся спускъ лодки. Моряки надѣли на себя спасательные пояса и пробковыя куртки и взобрались въ лодку. Лодка стояла еще на повозкѣ, обращенной заднею

стороной къ водѣ. На днѣ повозки лежалъ соответствующей длины изогнутый брусъ, на которомъ и стояла на валикахъ лодка. Когда вынули шкворень, переднія колеса повозки отдѣлились, передній конецъ бруса приподнялся, и по наклонной плоскости лодка медленно начала скользить внизъ и опустилась въ воду при громкомъ „ура!“ моряковъ.

Весла погрузились въ волны, флагъ весело развѣвался отъ легкаго вѣтерка, и съ чрезвычайной быстротой изящная лодочка понеслась по чуть-чуть колеблющимся волнамъ.

Чтобы испробовать пробковые пояса, моряки изъ лодки бросились въ воду и легко плавали тамъ, пока ихъ опять не втащили въ лодку.

Пробный спускъ въ воду спасательной лодки.

Испробовали также и спасательныя выстрѣлы всѣхъ трехъ родовъ: прежде всего была пущена спасательная ракета, она выбросила канатъ на разстояніе 150—200 сажень, такъ что всѣмъ было ясно, что канатъ свободно долетитъ до снастей гибнущаго корабля, чтобъ матросы съ гибнущаго судна могли поймать канатъ. Канатъ соединитъ судно съ берегомъ и позволитъ перебросить на помощь кораблю спасательныя веревки и буи.

Затѣмъ попробовали спасательныя ружья, которыя стрѣляютъ на разстояніе 30—35 сажень и употребляются главнымъ образомъ для того, чтобы соединить корабль съ спасательной лодкой. И наконецъ пущена была якорная ракета съ 4 якорями. Якорныя ракеты помогаютъ спасательной лодкѣ отплыть

отъ берега и выйти въ открытое море. Стрѣляя этими ракетами, матросы тѣмъ самымъ выкидываютъ якоря далеко въ воду и посредствомъ крѣпко привязанныхъ къ нимъ веревокъ постепенно подтягиваются впередъ.

Празднество закончилось осмотромъ спасательной станціи. Старые и молодые рыбаки одинъ за другимъ осматривали всевозможные приборы и восторгались ими какъ дѣти.

Этотъ торжественный день надолго остался въ памяти у рыбаковъ.

Клаусъ долго не могъ заснуть въ эту ночь. Лежа на кровати, онъ прислушивался къ тихому плеску морскихъ волнъ; въ его воображеніи ярко рисовались картины борьбы его братьевъ съ бурей и опасностями. Въ его душѣ горѣло желаніе поскорѣй вырасти и самому стать членомъ общества спасенія.

ГЛАВА III.

Морскія исторіи.

Капитанъ Сванхольтъ сидѣлъ въ своей уютной комнатѣ въ старомъ креслѣ около окна и смотрѣлъ на улицу. Былъ апрѣльскій день, но большіе хлопья снѣгу кружились въ воздухъ и закрывали видъ на море. Сванхольтъ недовольно хмурился, пускалъ густыя кольца дыму изъ своей длинной трубки и, наконецъ, громко свистнулъ. Дверь, ведущая въ кухню, тотчасъ же отворилась, и на порогѣ показалась фрау Венке.

— Тебѣ что-нибудь надо, Юргенъ? — ласково спросила она.

— Собственно, мнѣ только хотѣлось еще разъ увидѣть тебя, Венке, такъ какъ мнѣ ужасно скучно. Мнѣ хотѣлось бы уйти изъ этой каюты на свѣжій воздухъ или хоть на палубу, — капитанъ говорилъ про свой маленькій палисадникъ, — или, по крайней мѣрѣ, хоть смотрѣть въ окно на море. Какое несчастье для моряка стать калѣкой!

— Ну, полно, Юргенъ! Вѣдь ты же поправишься; тебѣ теперь уже гораздо лучше. Встань и пройдемся по комнатѣ.

— Ну, бери, пожалуй, старое судно на буксиръ, — отвѣтилъ онъ и взявъ въ лѣвую руку палку, прислоненную къ креслу. Сванхольтъ поднялся и, опираясь на жену, медленно, съ трудомъ началъ прохаживаться по маленькой комнаткѣ.

— Меня порядочно качаетъ, и если бы у меня не было такого хорошаго лоцмана, я навѣрно сѣлъ бы на мель,—ворчалъ онъ.

— Смотри, Юргенъ: ты держишься теперь гораздо лучше,—замѣтила жена, заботливо поддерживая его.—Вотъ увидишь, когда придетъ лѣто, ты будешь совершенно здоровъ.

— На корабль мнѣ все-таки никогда ужъ не придется плавать,—уныло отвѣтилъ Сванхольтъ.

Они еще нѣсколько разъ прошлись по комнатѣ. Затѣмъ Венке опять подвела мужа къ креслу.

— На этотъ разъ довольно съ тебя. Подожди, сейчасъ выглянетъ солнышко, и тебѣ опять будетъ видно море.

— Спасибо тебѣ, Венке,—сказалъ Сванхольтъ.—Что-то Клаусъ сегодня не приходитъ, некому и почитать мнѣ.

— Клаусъ-то придетъ. Только-что пробило два часа: ему еще слишкомъ рано.

Сванхольтъ выпустилъ густыя кольца дыма изъ своей длинной трубки и сталъ смотрѣть на море. Погода начала разясняться.

Вотъ кто-то постучалъ въ дверь. Фрау Венке отворила ее, и на порогѣ показался Клаусъ.

— А, вотъ и ты!—засмѣялся капитанъ.—Легокъ на поминѣ! Ну, садись, мальчикъ, а ты, женушка, принеси-ка намъ книгу съ морскими разсказами.

— Да ты дай хоть немного отдохнуть Клаусу: видишь, какъ онъ запыхался,—замѣтила фрау Венке.

Но Клаусъ и самъ торопился приняться за чтеніе, и онъ сбѣгалъ за книгой, усѣлся поудобнѣе въ другое старое кресло рядомъ съ капитаномъ и принялся читать.

Трудно было рѣшить, кто былъ больше заинтересованъ этими разсказами: слушатель или чтець. Самъ капитанъ много разъ уже читалъ всѣ эти исторіи, но каждый разъ слушалъ ихъ съ новымъ интересомъ. Клаусъ же читалъ въ первый разъ и всей душой уходилъ въ эти разсказы. Онъ раскрылъ книгу и прочелъ заглавіе повѣсти.

Капитанъ изрѣдка прерывалъ чтеніе своими замѣчаніями, но мальчикъ мало вслушивался въ нихъ: онъ торопился узнать, что случилось дальше.

Окончивъ чтеніе, они начали бесѣдовать о прочитанномъ.

— Да, старый Петеръ былъ необыкновенно ловкій морякъ,—съ восторгомъ говорилъ капитанъ.—Это потому, что онъ на

морѣ былъ какъ дома, а море придаетъ много силы и мужества. Будь и ты хорошимъ морякомъ, мальчикъ!

— Мнѣ самому страшно этого хочется!—въ восхищеніи воскликнулъ Клаусъ.

Они долго оживленно разговаривали, какъ Клаусъ сдѣлается морякомъ, что онъ увидитъ и переживетъ на своемъ вѣку, о томъ, что пережилъ и перевидалъ на морѣ самъ Сванхольтъ.

Уже начало темнѣть, когда Сванхольтъ, взглянувъ на часы, прервалъ себя:

— Однако тебѣ, кажется, пора итти домой, Клаусъ!

Клаусъ простился и, обѣщавъ, что скоро придетъ опять, побѣжалъ на берегъ, гдѣ начался уже приливъ, вмѣстѣ съ которымъ возвращались рыбаки. Поджидая братьевъ, Клаусъ присѣлъ на корточкахъ на дюны, и мысли его улетѣли далеко-далеко, — онъ думалъ о Петерѣ, о Кено Видукиндѣ и о всѣхъ храбрыхъ морякахъ, о которыхъ онъ только-что читалъ.

Между тѣмъ на берегу собрались женщины и ребяташки. Они помогали мужьямъ, сыновьямъ и братьямъ опораживать сѣти и потрошить рыбу. Всегда угрюмые рыбаки, довольные хорошимъ уловомъ, были разговорчивы и веселы. Только

Кнутъ исполнялъ свою работу неохотно, почти съ отвращеніемъ. Но несмотря на это, онъ работалъ за двоихъ, такъ что Ордингеры скорѣе всѣхъ кончили работу на берегу и, нагруженные тяжелыми корзинами, отправились черезъ дюны домой. Они знали, что заботливая сосѣдка уже, навѣрное, развела огонь подъ закопченнымъ котелкомъ.

Клаусъ не пошелъ съ братьями, а направился къ маяку, гдѣ за послѣднее время онъ чувствовалъ себя какъ дома.

Когда Клаусъ вошелъ въ домъ, старикъ Кёгге сидѣлъ съ сыномъ въ небольшой комнаткѣ, рядомъ съ кухней, за ужиномъ.

— Ну, иди, садись съ нами,—сказалъ Томасъ Кёгге, когда мальчикъ вошелъ.

Ужинъ прошелъ въ молчаніи, изрѣдка прерываемомъ короткими вопросами, на которые слѣдовали еще болѣе короткіе отвѣты. Затѣмъ старикъ глотнулъ пива, вытеръ себѣ рукой ротъ и набожно сказалъ:

— Благодарю тебя, Боже!

Оба юноши повторили эти слова и встали изъ-за стола. Томасъ посмотрѣлъ на часы, а затѣмъ взглянулъ черезъ окошко на море, гдѣ медленно катились длинныя сѣро-голубыя волны.

— Ну, теперь пора итти. Хочешь со мной, Клаусъ?—спросилъ онъ, зажигая свою трубку.

Хочетъ ли онъ? Да вѣдь онъ и пришелъ-то сюда за тѣмъ, чтобы еще разъ взобраться по узенькой лѣстницѣ на самую верхушку маяка, къ большому яркому фонарю. Старикъ взялъ фонарь, захватилъ кисетъ и вышелъ изъ комнаты; слѣдомъ за нимъ пошли и оба юноши. Имъ пришлось подняться на нѣсколько ступенекъ, прежде чѣмъ они достигли сторожки, откуда маленькая, узенькая желѣзная лѣсенка вела въ самый фонарь. Здѣсь такъ и сверкали блестящія полированные стекла. Старикъ отдернулъ темныя занавѣски, прикрывавшія днемъ стекла фонаря, и еще разъ осмотрѣлъ горѣлку. Въ ней были вложены одна въ другую различныя свѣтильни и трубки, всегда такъ обильно смазанныя масломъ, что большая часть его, не сгорая, стекала въ особый сосудъ.

Все здѣсь ярко сверкало и при свѣтѣ фонаря сторожа, а когда зажгли фонарь маяка, цѣлый потокъ свѣта заструился черезъ маленькую стеклянную комнатку. Восхищеннымъ взглядомъ слѣдилъ Клаусъ за ослѣпительнымъ потокомъ, который

далеко изливался на море. Нѣсколько минутъ спустя Томасъ вмѣстѣ съ обоими юношами спустился внизъ въ сторожку и, затянувшись трубкой, усѣлся въ старое кресло; Юргенъ сидѣлъ, ничего не дѣлая, на длинной деревянной скамеечкѣ, а Клаусъ стоялъ у узенькаго окна и смотрѣлъ на слегка волнующееся море. Всѣ долго молчали.

— Да, такой фонарь—истинное благословеніе для моряковъ,— началъ разговоръ старикъ. — Я и до сихъ поръ вспоминаю, какъ мы радовались, когда видѣли передъ собой огонь маяка. Но никогда я ему такъ не радовался, какъ послѣдній разъ, когда мы возвращались домой изъ Байи. Мы тогда ужъ отчаялись было увидѣть его. Да, не легко намъ пришлось тогда!

Томасъ долго рассказывалъ о своихъ приключеніяхъ, а Клаусъ сидѣлъ, не шевелясь, рядомъ съ Юргеномъ на его скамеечкѣ и, затаивъ дыханіе, слушалъ объ ужасныхъ буряхъ, которыя видѣлъ на своемъ вѣку Томасъ.

Въ это время Вильмъ и Кнутъ сидѣли въ своемъ домикѣ у пылающаго очага. Кнутъ чинилъ старый стулъ, а Вильмъ—свою непромокаемую куртку. Долго они сидѣли молча, слышно было только тиканье стѣнныхъ часовъ да потрескиванье дровъ въ очагѣ. Наконецъ, Кнутъ воскликнулъ:

— Это невыносимо! И гдѣ это пропадаетъ мальчикъ?

— Да гдѣ ему быть, какъ не у капитана или у Томаса Кёге,—спокойно отвѣтилъ Вильмъ.

— Они вовсе не товарищи ему. Это знакомство не принесетъ Клаусу ничего хорошаго: они только забьютъ ему голову глупыми сказками. Пора этому положить конецъ. Я хочу поговорить съ тобой объ этомъ серьезно, Вильмъ. Право, пора же мальчику приняться за изученіе какого-нибудь ремесла. Клаусъ долженъ поѣхать въ Эмденъ, Нарденъ или Аурихъ и сдѣлаться дѣльнымъ работникомъ, какъ и мнѣ самому когда-то хотѣлось. Ему не слѣдуетъ оставаться здѣсь и погибать на этомъ островѣ.

— Ахъ, опять эта старая сказка, Кнутъ! Никто же не погибъ еще здѣсь!

— А развѣ я не погибъ!—вскричалъ Кнутъ, вспыхнувъ.— Меня вы заставили остаться здѣсь и, несмотря ни на какую погоду, отправляться въ море, а дома питаться картофелемъ да сушеной рыбой. А вѣдь я не имѣю ни малѣйшей любви къ вашему ремеслу. Мальчикъ долженъ лучше устроить свою жизнь, онъ долженъ уѣхать отсюда...

— Да, конечно, ему нужно уѣхать.

— Но только не корабельнымъ юнгой или матросомъ, чтобы онъ, навѣрно, сдѣлался въ концѣ концовъ старымъ калѣкой или еще мальчишкой утонулъ. Посмотри хоть на Сванхольта; что съ нимъ случилось! А вѣдь онъ еще дошелъ хоть до капитана угольного судна.

— Но я уже говорилъ тебѣ, Кнутъ, что надо же намъ прислушаться къ желанію мальчика.

— Мальчикъ еще молодъ и самъ не знаетъ, чего онъ хочетъ. Въ своей жизни онъ ничего не видалъ, кромѣ этихъ дюнь да моря. Не мудрено, что онъ ничего не желаетъ, кромѣ картошки и рыбы.

— И я точно такъ же; и нужно радоваться, что онъ доволенъ и этимъ.

— Вы всѣ здѣсь просто дураки!—сердито замѣтилъ Кнутъ.

— Но зато мы здоровые и честные люди, а этому легко разучиться въ далекомъ свѣтѣ. Мальчикъ, конечно, долженъ поѣхать, потому что онъ уже достаточно великъ для того, чтобы кое-что посмотрѣть и узнать свое море. Тогда только можетъ онъ, если пожелаетъ, сдѣлаться морякомъ, или, если его охватитъ тоска по родинѣ, по этому маленькому островку, поселиться здѣсь, разводить свой картофель и рѣпу и заниматься рыболовствомъ, какъ это дѣлали его отецъ и дѣдъ...

— И утонуть, какъ его отецъ и дѣдъ!—вскричалъ сердито Кнутъ. — Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Этого не должно быть, и если мальчикъ не хочетъ, мы сами должны позаботиться объ его счастья!

— Но какъ ты это хочешь сдѣлать?

— Я еще не рѣшилъ этого, но говорю тебѣ, я не позволю, чтобы мальчикъ сдѣлался морякомъ или рыбакомъ!

— Онъ фрисландецъ и не захочетъ выдѣляться среди другихъ фрисландцевъ!

Но серьезное спокойствіе старшаго брата только усилило раздраженіе Кнута, и онъ вскричалъ:

— Я знаю, что вы всѣ здѣсь коситесь на меня. Но все-таки я буду бороться съ вами. Если мальчикъ у меня еще хоть разъ пойдетъ къ Сванхольту или Томасу Кёгге, я его силой приведу домой, онъ забудетъ у меня дорогу туда!

Вильмъ отложилъ въ сторону свою куртку; хладнокровіе начало понемногу покидать его.

— Ого! Ты забываешь про меня!—сказалъ онъ.—Отъ Сван-

хольта и маячнаго сторожа мальчикъ не научится ничему дурному.

— Тогда я прежде разобью тебѣ черепъ!—закричалъ взбѣшенный Кнутъ и схватилъ топоръ, прислоненный къ очагу.

Вильмъ вскочилъ съ своего мѣста и стоялъ передъ брагомъ, вытянувшись во весь свой ростъ, широкоплечій и спокойный.

Спасательная лодка снимаетъ людей съ погибающаго корабля.

— Ну, ударь!

Въ эту минуту распахнулась дверь, и съ веселымъ привѣтствіемъ вошелъ Клаусъ. Растерянно оглядѣлъ онъ обоихъ братьевъ и съ испугомъ посмотрѣлъ на горящіе глаза Кнута. Кнутъ отбросилъ въ сторону топоръ и, хлопнувъ дверью, вышелъ на улицу. Вильмъ опять спокойно усѣлся на свое мѣсто и началъ спрашивать мальчика, гдѣ онъ былъ сегодня. Клаусъ съ жаромъ сталъ рассказывать брату все, что онъ слышалъ. Передъ его глазами все еще стояли, какъ живые, герои всякихъ морскихъ приключеній.

Прошло нѣсколько дней, а Кнутъ все еще не запретилъ Клаусу посѣщать домикъ Сванхольта и маячнаго сторожа. Онъ дѣлалъ видъ, будто ничего этого не знаетъ, и только сталъ еще угрюмѣе и молчаливѣе, чѣмъ всегда, и разговаривалъ съ Вильмомъ лишь о самомъ необходимомъ.

Однажды вечеромъ Клаусъ опять сидѣлъ у Томаса Кёгге. Несмотря на то, что стояла уже осень, день былъ страшно удушливъ, и надъ моремъ собирались темныя грозовыя тучи. Сѣро-зеленыя волны катились вяло, и старый маячный сторожъ увѣрялъ, что къ ночи будетъ буря. Къ вечеру, дѣйствительно, собралась гроза. Молніи сверкали вокругъ маяка, громъ гремѣлъ, а море бушевало и ревѣло. Томасъ Кёгге не разъ уговаривалъ мальчика итти домой, пока эта буря еще не отдѣлила его отъ братьевъ.

Наконецъ, Клаусъ, несмотря на дождь и вѣтеръ, торопливо пошелъ домой; вдругъ до него донесся съ моря сквозь бушеванія волнъ какой-то звукъ, похожій на глухой трескъ: это былъ сигнальный выстрѣлъ, означавшій, что корабль находится въ опасности. Въ сильномъ волненіи мальчикъ поспѣшилъ къ станціонному домику спасательнаго общества. Оттуда уже раздавался звонъ колокола, и, прежде чѣмъ Клаусъ подошелъ къ станціи, оттуда вылетѣлъ бѣлый огонь сигнальной ракеты, которая возвѣщала погибающему судну, что его призывъ услышанъ и спасители готовы притти къ нему на помощь.

Еще въ первый разъ приходилось спасательной станціи серьезно поработать. Спасательная команда была на своемъ мѣстѣ. Съ моря ясно были видны огненные сигналы, и моряки знали направленіе, по которому имъ нужно было ѣхать: корабль погибалъ почти на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ потерпѣлъ крушеніе Сванхольтъ.

Экипажъ, на которомъ стояла спасательная лодка, катился уже къ морю, и черезъ нѣсколько минутъ лодка со своей командой спустилась на волны, и весла дружно ударили по водѣ. Въ первый разъ на дѣлѣ были испробованы и якорныя ракеты, и маленькое суденышко съ спасателями быстро двигалось впередъ противъ прибоя по якорному канату.

У Клауса сильно забилось сердце, когда онъ увидѣлъ, какъ быстро и отважно работаетъ спасательная команда. Одну минуту ему сильно хотѣлось попросить Вильма взять его съ собой. Но онъ зналъ, что это невозможно. На берегу и у

станціоннаго домика уже собралась толпа народа, но изъ-за вѣтра и дождя они должны были искать защиты въ станціонномъ домикѣ. Темнота ночи окутала лодку и корабль. Ничего нельзя было разглядѣть.

Клаусъ побѣжалъ на маякъ и забрался наверхъ въ сторожку. Здѣсь онъ засталъ Юргена, который дежурилъ въ эту ночь и радъ былъ увидѣть около себя хоть одного человѣка. Оба подошли къ маленькому окошечку, которое выходило прямо на море, гдѣ высокая бѣлая пѣна валовъ какъ - то страшно, но красиво бѣлѣла среди густой темноты, а при свѣтѣ сильныхъ голубыхъ молній иногда видно было даже маленькую спасательную лодочку, высоко поднимающуюся на гребняхъ волнъ. Оба мальчика не говорили ни слова, они зорко слѣдили за суденышкомъ, которое такъ и метало волнами.

Часы проходили. Гроза стихла, небо прояснилось, и мѣсяцъ показался сквозь разорванныя облака, проливая свой нѣжный свѣтъ на все еще сильно волнующееся море. На бѣлыхъ гребняхъ волнъ показалась какая-то темная полоска; она подвигалась все ближе и ближе,—не оставалось больше никакого сомнѣнія, это была спасательная лодка.

Ничто теперъ не могло удержать Клауса въ комнатѣ, онъ сбѣжалъ по узенькой лѣсенкѣ и поспѣшилъ на берегъ. Здѣсь уже стояли мужчины и женщины и поджидали возвращенія лодки, которая быстро разсѣкала волны. Немного времени спустя она уже подѣхала къ берегу среди громкихъ привѣтственныхъ криковъ толпы, поджидающей ее на берегу. Въ ней сидѣлъ, кромѣ ея команды, весь экипажъ потерпѣвшаго крушеніе корабля: капитанъ, штурманъ и четыре матроса.

Лодка была вытащена на берегъ, уложена на повозку и отправлена на спасательную станцію; спасенные моряки разбрелись ночевать къ жителямъ острова, и только тогда Клаусъ прямикомъ бѣгомъ поспѣшилъ домой, чтобы лечь въ постель до прихода братьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

О. Хорнъ.

Съ нѣмецкаго Л. Ж.

Въ саду и въ комнатѣ.

Растенія окружаютъ насъ вездѣ: въ лѣсу, огородѣ, саду, комнатѣ, въ кладовой и въ кухнѣ. Вездѣ мы видимъ живыя растенія или продукты изъ нихъ, кормящія и одѣвающія все человѣчество. Если мы хоть сколько-нибудь наблюдательны, мы видимъ, что растенія—существа въ высшей степени благодарныя. За малѣйшій уходъ, за маленькія заботы они щедро отплачиваютъ намъ.

Чайная роза.

Хорошо содержимый лѣсъ даетъ хорошій строительный матеріалъ и прекрасное топливо; хорошо обработанный огородъ—вкусные, отборные овощи; фруктовый садъ—чудесные плоды и ягоды; цвѣтникъ—роскошные благоухающіе цвѣты.

А сколько знаній полезныхъ, интересныхъ можно получить, наблюдая и ухаживая за растеніями, наблюдая за тѣмъ, какъ растеніе растетъ, борется за свою жизнь, помогаетъ другимъ и поль-

зуется чужой помощью, какъ измѣняется оно, если измѣняются условія, въ которыхъ растеніе живетъ, и такъ далѣе.

Да не одну только пользу приносятъ намъ заботы о растеніяхъ. Время, проведенное нами въ какомъ-нибудь уголкѣ

природы, доставляетъ и огромное наслажденіе. А уголокъ природы, съ ея растительнымъ міромъ, мы найдемъ вездѣ. Если его нѣтъ, мы можемъ сами своими руками его устроить, — стоитъ завести хотя бы двѣ-три грядки, насадить нѣсколько кустовъ гдѣ-нибудь въ углу двора, а если и это невозможно для того, кто живетъ въ городѣ, то хотя поставить на окнахъ нѣсколько горшковъ съ цвѣтами, и это внесетъ уже отраду и красоту въ нашу городскую жизнь.

Тотъ же, кто хотя два-три лѣтнихъ мѣсяца проводитъ на дачѣ, въ деревнѣ, тому открывается безконечный просторъ для самыхъ интересныхъ, полезныхъ работъ, занятій и наблюдений.

Мы вынесемъ уже множество самыхъ необходимыхъ знаній, наблюдая внѣшнюю, такъ сказать, жизнь растенія.

Разсматривая же далѣе въ лупу или микроскопъ разныя части растенія, мы увидимъ такія мельчайшія подробности строенія растеній, проникнемъ въ такія тайны ихъ жизни, которыя проходятъ незамѣтно передъ глазами при обычномъ знакомствѣ съ ними.

Когда же мы начнемъ ближе знакомиться съ жизнью растенія, то невольно сильно полюбимъ ихъ и захотимъ помочь имъ жить лучше и привольнѣе.

Задача передъ нами большая; сразу исполнить ее мы не въ силахъ, приступимъ же къ ней понемногу. Оглянемся кругомъ, — не можемъ ли мы начать знакомство съ природой теперь же, пока не прошло еще совсѣмъ царство зимы. Уголокъ природы откроемъ мы и у себя въ комнатахъ. Трудно себѣ представить домъ, гдѣ совсѣмъ не было бы цвѣтовъ. Выберемъ для себя нѣсколько горшковъ и посвятимъ имъ наше исключительное вниманіе. Для примѣра возьмемъ цвѣты простые, которые чаще всего встрѣчаются въ комнатѣ. Вотъ

Луковица (Амарилісъ).

кактусъ, луковица, герань, роза, олеандръ, туя. Хорошо ли имъ живется?

Осмотримъ прежде всего ихъ листву. У кактуса вялые, блѣдно-зеленые листья, у олеандра листочки съ нижней стороны покрыты блѣдно-желтыми пятнышками, а стволъ, какъ у розы, покрытъ какими-то коричневыми лепешечками; у луковицы вытянулись длинные листья, а цвѣтка не видно, хотя уже время показаться цвѣточной стрѣлкѣ; герань и роза стоятъ какъ метлы съ раскиданными въ разныя стороны вѣтвями и только

Кактусъ.

кое-гдѣ покрыты листочками; съ туи обваливается желтая хвоя. Видно, что здѣсь цвѣтовъ не любятъ, не ухаживаютъ за ними, и неизвѣстно, для чего держать. Въ другомъ же домѣ тѣ же цвѣты стоятъ бодрые, здоровые; зелень яркая, роза и герань подрѣзаны, и вѣточки ихъ покрыты свѣжими почками; изъ луковицъ торчитъ толстая дудка съ бутонъ наверху; стволы олеандра и розы чисты, туя стоитъ темнозеленая съ матовой листвой. Видно, что здѣсь цвѣты любятъ и берегутъ.

Мало, любясь только растеніемъ, говорить: „какъ я люблю цвѣты!“ Надо дѣйствительно любить ихъ, а эта лю-

бовь къ безсловесному живому существу можетъ проявиться только въ заботахъ о немъ. Цвѣты въ комнатахъ могутъ жить только заботами о нихъ человѣка. Надо помнить, что они не на просторѣ родныхъ полей и лѣсовъ, гдѣ они сами могутъ заботиться о пищѣ и бороться со всякими невзгодами. Здѣсь они въ тѣсныхъ горшкахъ, въ сухомъ комнатномъ воздухѣ и живутъ хорошо или страдаютъ исключительно только по волѣ человѣка. Сами для себя здѣсь они ничего не могутъ сдѣлать, и забыть полить растеніе, это то же, что не накормить птицу въ клѣткѣ. Только птица можетъ еще на-

помнить о нашей небрежности, — она забьется въ клѣткѣ, запищитъ, а цвѣтокъ только печально опуститъ головку и листья и будетъ умирать медленной смертью.

Займемся же осмотромъ нашихъ цвѣтовъ, обрѣжемъ острыми ножницами сухія вѣтки, оберемъ желтые листья и внимательно осмотримъ стебли и оставшіеся листья съ верхней и нижней стороны. Если мы замѣтимъ на кожицѣ какиенибудь бугорки, пятнышки, лепешечки, — постараемся разсмотрѣть ихъ въ лупу или еще лучше въ микроскопъ. Все это придется удалить, стереть сначала зубной щеточкой, потомъ обмыть стволъ и листья водою съ распущеннымъ въ ней зеленымъ мыломъ, хорошенько

Для пересадки нужно сначала хорошо выструганной палочкой отдѣлить землю отъ стѣнокъ горшка.

Какъ вынуть растение изъ горшка при пересадкѣ.

сполоснуть чистой водою, и освѣженные растенія ясно покажутъ, какая разница между цвѣткомъ, на который не обращается никакого вниманія, и тѣмъ, на осмотръ котораго ушло всего нѣсколько минутъ.

Послѣ ствола и листьевъ надо осмотрѣть корни; для этого вынемъ цвѣтокъ изъ горшка, вмѣстѣ съ комомъ земли. Можетъ оказаться, что земля или очень сыра или очень суха. Въ первой—корни гниютъ, заводятся въ ней дождевые черви, во второй—корешки засыхаютъ, — въ обоихъ случаяхъ растение страдаетъ.

Случается такъ, что цвѣтокъ посаженъ въ неподходящую для него землю и не находитъ въ ней пищи. Разныя вѣдь растенія, какъ и животныя, требуютъ различной пищи; то, что вѣсть овца, не годится для собаки, и та земля, въ которой хо-

Какъ надо осторожно обчистить корешки растенія отъ земли, осмотрѣть ихъ, чтобъ послѣ обрѣзать корешки гнилые, надорванные, попорченныя.

рошо растеть кактусъ, совсѣмъ непригодна для розы. Мы здѣсь уже видимъ, какая зависимость въ природѣ между двумя ея царствами: минеральнымъ и растительнымъ. Дальнѣйшія наши наблюденія покажутъ, что для кактуса, жителя знойныхъ пустынь, нужна песчанистая земля, для розы же и герани нужна черная, перегнойная. Олеандръ, растущій на свободѣ по берегамъ рѣкъ и ручьевъ, требуетъ земли влажной и частой поливки, и вмѣстѣ съ тѣмъ яркаго солнца. Туя же, наоборотъ, вянетъ и желтѣетъ въ сырой землѣ и сохнетъ, если остается постоянно круглый годъ, и зимой и лѣтомъ, на солнцѣ.

Зимой каждому цвѣтку нуженъ свѣтъ и солнце. Къ лѣту же растенія становятся разборчивѣе, и приходится изучать потребности каждаго цвѣтка, чтобъ держать его въ подходящихъ условіяхъ.

Теперь, пока еще растеніе не тронулось въ ростъ, пока еще весна не разбудила его дремлющихъ силъ, займемся одной изъ первыхъ весеннихъ работъ—*пересадкой* цвѣтовъ. Какой-нибудь десятокъ горшковъ простыхъ цвѣтовъ не отниметъ много времени, и работа не потребуетъ на первый разъ особенныхъ знаній, а растенію можетъ принести существенную пользу.

Мы не знаемъ еще хорошо, какая земля нужна каждому растенію, съ этимъ мы познакоимся впослѣдствіи; теперь же пока замѣтимъ одно общее правило: большинство растений нуждается въ черной перегнойной землѣ и только цвѣты съ

толстыми мясистыми листьями, какъ, на примѣръ, кактусъ, алоэ, — хвойные, какъ туя, кипарисъ, любятъ землю песчанистую. Поэтому, пересаживая кактусъ, мы прибавимъ къ черной землѣ побольше песку и мелкихъ кусочковъ битаго кирпича, а для туи смѣшаемъ землю съ пескомъ наполовину. Всѣ же остальные цвѣты посадимъ въ свѣжую черную землю.

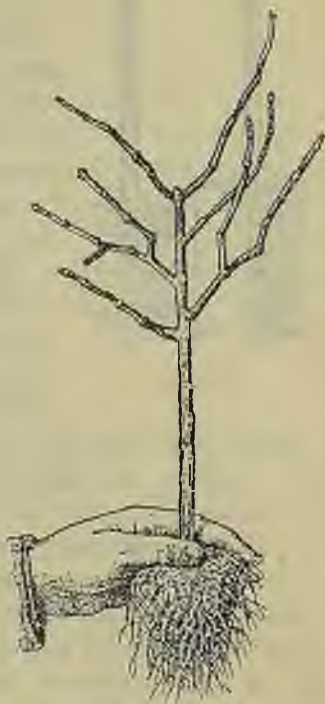
Конечно, пересаживать мы будемъ только тѣ цвѣты, которые растутъ плохо, вянутъ и, очевидно, плохо питаются. Тѣ же цвѣты, которые стоятъ бодро и смотрятъ весело, незачѣмъ тревожить пересадкой. Пищи въ горшкѣ для нихъ еще достаточно, значить и придется только осторожно и внимательно поливать ихъ.

Общее правило для поливки такое—не надо заливать растеніе, особенно только-что пересаженное, поливать комнатной не холодной водой, поставить каждый горшокъ на поддонникъ, и если вода протечетъ черезъ весь комъ и не вберется землей обратно черезъ отверстіе въ днѣ горшка часа черезъ два послѣ поливки, значить эта вода уже не нужна растенію, и ее надо съ поддонника слить.

А передъ поливкой надо попробовать землю въ горшкѣ,—проткнуть ее пальцемъ, и если земля не прилипаетъ, не остается на пальцѣ, значить цвѣтокъ надо полить; если же земля очень мокра, поливать не надо. Здѣсь намъ помогутъ только собственные наблюденія, только опытомъ дойдемъ мы до того, что будемъ знать, какой цвѣтокъ быстрѣе поглощаетъ воду, какой медленнѣе. Никакія правила тутъ не помогутъ.

Пересаживать будемъ цвѣтокъ со всѣмъ комомъ земли, очистивъ только его сверху и съ боковъ острой палочкой; если увидимъ сгнившіе кончики корней, обрѣжемъ ихъ острыми ножницами, и пораненныя мѣста присыплемъ сухой землей.

Пересаженные растенія поставимъ на окно или на столъ

Растеніе съ обчищенными и подрѣзанными корнями, готовое для пересадки.

поближе къ свѣту, затѣнивъ на первые дни отъ яркаго солнца. Когда же они оправятся послѣ пересадки и окрѣпнутъ, тогда потянуть свои вѣтви къ солнышку, и чтобъ они не выросли однобокими, будемъ ихъ время отъ времени поворачивать къ солнцу то одной, то другой стороной.

А пока мы занимаемся своимъ комнатнымъ садикомъ, незамѣтно подойдетъ полная весна, принесетъ съ собой настоящее тепло, въ открытое окно потянетъ свѣжимъ, душистымъ вѣтеркомъ.

Пора тогда за работу въ садъ, гдѣ на вѣтвяхъ опушившейся ивы, ольхи и орѣшника усѣлись пернатые гости и огласили садъ своимъ стрекотаньемъ и чириканьемъ.

Черная, набухшая отъ весенней воды, земля такъ и зоветъ поработать надъ ней лопатой и граблями, приготовить грядки для будущихъ овощей и цвѣтовъ.

Ближе всего мы станемъ къ природѣ, если вздумаемъ завести свой собственный садикъ и огородъ, въ которомъ на нашихъ глазахъ будетъ проходить жизнь каждаго цвѣтка, каждаго деревца, начиная съ его

рожденія до смерти. Если мы будемъ вести садовые и огородныя работы по намѣченному раньше плану, въ строго опредѣленномъ порядкѣ, не пропуская ничего, что знакомитъ насъ съ жизнью растенія, мы познакоимся постепенно со всѣми его жизненными отправлениями: дыханіемъ, питаніемъ, размноженіемъ. И какой богатый запасъ знаній накопится у насъ! Знаній, которыя мы получимъ не изъ печатной книги, не изъ сухого учебника, а прочтемъ въ живой книгѣ самой природы. Мы занесемъ ихъ въ дневникъ, будемъ вести записи аккуратно и, заглядывая въ нихъ время отъ времени, запомнимъ все, что узнали постепенно на опытѣ изъ жизни растенія.

Лопаты.

Желѣзные грабли.

Интересный, совершенно новый міръ откроется передъ нами, и сколько радости испытаемъ мы, ухаживая за выращенными собственными силами цвѣтами и деревьями!

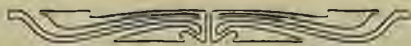
Приготовимъ нѣкоторые инструменты, необходимые для работы въ саду, и будемъ ждать прихода весны. Инструменты понадобятся самые простые: заступъ, грабли, веревки и деревянные колышки величинной въ полъ-аршина.

Шнуръ и колышки.

Къ началу работъ все это должно быть готово. Пока же присмотримся къ комнатному садику, сдѣлаемъ, что возможно, для захирѣвшихъ за зиму цвѣтовъ, а въ концѣ марта или началѣ апрѣля займемся посѣвомъ лѣтнихъ цвѣтовъ въ ящики или горшки въ комнатахъ.

Е. Ельманова.

Шарада.

Когда легкокрылый корабль удалой
По морю спокойному мчится
И ночью собьется съ дороги прямой,
Пусть первого слога страшится.

Роскошной природой второй одаренъ,
Тамъ небо лазурію блещетъ,
Растутъ кипарисы тамъ, мирты, лимонъ,
И море спокойное плещетъ.

Безъ цѣлаго трудно намъ то получить,
Что служить насущной намъ пищей,
Ту вещь, безъ которой не можетъ прожить
Ни знатный вельможа, ни нищій.

С. П.

ДЛЯ МАЛЕНЬКИХЪ.

1875

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

1875

LIBRARY

Колючій воришқа.

Разъ пріѣхала поздней осенью къ намъ Маша, жена желѣзнодорожнаго сторожа, и привезла въ корзину ежа.

Мы были очень рады ежу, но сразу разсмотрѣть его хорошенько намъ не удалось. Онъ лежалъ въ корзину, свернувшись клубочкомъ. Маша вывалила его посреди комнаты на полъ. Онъ и на полу лежалъ не двигаясь, какъ какой-то колючій шаръ.

Мы отошли отъ ежа подальше и притаились.

Вдругъ клубочекъ чуть-чуть пошевелился, и изъ него выглянули носикъ пяточкомъ и два зоркихъ-зоркихъ черныхъ глазка. Носикъ быстро-быстро обнюхалъ воздухъ, глазки внимательно осмотрѣлись кругомъ, и вотъ ежики совсѣмъ распрявился, всталъ на лапки, оглядѣлся и, какъ только могъ, быстро побѣжалъ на своихъ коротенькихъ лапкахъ подъ комодъ. На бѣгу онъ такъ забавно сопѣлъ и хрюкалъ, что мы всѣ принялись хохотать.

Ежъ спрятался подъ комодъ, и мы никакъ не могли выманить его оттуда до самаго вечера.

Мы поставили возлѣ комода блюдце съ молокомъ, положили кусочекъ булки, но ежики не показывался.

Только-что мы легли спать, какъ вдругъ по комнатѣ раздалось: «тукъ, тукъ, тукъ»,—это выбѣжалъ ежикъ и пошелъ осматривать свое новое жилище.

Иногда онъ останавливался, фыркалъ, сопѣлъ, что-то нюхалъ, потомъ опять пускался бѣжать. Мы съ сестрой долго прислушивались къ тому, что дѣлаетъ ежикъ, наконецъ уснули, а онъ все бѣгалъ да бѣгалъ.

Утромъ, когда мы встали, ежикъ уже опять сидѣлъ подъ комодомъ, и опять мы его не видали цѣлый день.

Такъ прошло нѣсколько дней. Но вотъ ежикъ насмѣлился и сталъ въ сумерки вылѣзать изъ своей

норы. Онъ бѣгалъ весь вечеръ, нюхаль, фыркаль, ловиль въ кухнѣ таракановъ и, казалось, совсѣмъ не обращаль вниманія на людей. Сколько разъ, бывало, что кто-нибудь въ темнотѣ спотыкался объ него, и бѣдный ежикъ отлеталь далеко въ сторону. Свернется бывало съ испугу въ клубочекъ и лежитъ такъ, пока не успокоится.

Кормили мы ежа молокомъ, хлѣбомъ, булкой, зеленью, но больше всего онъ любиль яблоки и зерна орѣховъ. Хлѣбъ ежикъ ни за что не браль изъ рукъ, а яблоко даже сытый радъ былъ взять

и изъ рукъ. Схватить и бѣжить скорѣй куда-нибудь въ уголокъ.

Одинъ разъ мы дали ежу маленькое цѣлое яблочко со стебелькомъ. Ежъ схватиль его за стебелекъ и

потацилъ. Яблоко стучитъ, ежикъ топочеть, пыхтитъ, но все же затащилъ яблочко подъ комодъ и только тамъ принялся его ѣсть.

Ежикъ любилъ поспать помягче, укрыться потеплѣе, особенно если въ комнатѣ было холодно. У него подъ комодомъ лежалъ сѣнничекъ, на которомъ ежъ спалъ, и кусокъ старой фланели, въ которой ежъ ловко закутывался, но ежику этого было мало, и онъ тащилъ къ себѣ все, что плохо лежало и было ему подъ силу. Потерялся носовой платокъ, не можемъ найти утромъ чулокъ,—надо искать у ежа.

Одинъ разъ у сестры пропали ночью штанишки. Искали на стулѣ, подъ стуломъ, на кровати, по всей

комнатѣ—нигдѣ ихъ нѣтъ. Наконецъ заглянули къ ежику. Тамъ виднѣлось что-то бѣлое. Потянули это бѣлое и вытащили штанишки, а съ ними вмѣстѣ и

ежа: онъ влѣзъ въ одну штанину и зацѣпился въ матеріи своими колючками. Пробовали вытаскивать ежа и такъ и сякъ, — никакъ не могли его выта-

щить. Пришлось штанишки разорвать, и только тогда бѣдный воришка освободился изъ своихъ пеленокъ.

Наша старушка кухарка ходила зимой всегда въ валенкахъ. Одинъ разъ утромъ она сунула ногу въ валенку и закричала отъ страха и боли, — что-то въ валенкѣ преобольно укололо ее. Оказалось, что тамъ сидитъ ежъ. Стала она ежа вытряхивать, онъ не вытряхивается: впередъ-то ему легко было пролѣзть, колючки ему не мѣшали, а вынуть ежа никакъ нельзя, повернуться нельзя — тѣсно, и пятиться

нельзя — колючки не пускаютъ. Долго бились съ ежикомъ, но все же пришлось разрѣзать валенокъ, хоть Кузьмовна и горевала, жалѣла свои валенки.

Иногда ежъ таскалъ къ себѣ и разныя мелкія вещи, которыя ему совсѣмъ ужъ были ни къ чему.

Была у насъ старушка бабушка. Она нюхала табакъ изъ маленькой берестяной табакерки съ коротенькимъ ремешкомъ на крышкѣ вмѣсто ручки, чтобы удобнѣе было табакерку открывать. Бабушка свою табакерку звала «барыня». Днемъ «барыня» лежала или въ бабушкиномъ карманѣ или на столѣ возлѣ бабушки. Ночью бабушка ставила «барыню» на полъ возлѣ кровати. Разъ бабушка проснулась ночью и слышитъ: «тукъ, тукъ, тукъ». «Что такое? думаетъ. Кто стучитъ?» Зажгла спичку и видитъ: ежикъ ея «барыню» тащитъ, по полу ея постукиваетъ.

Ежикъ прожилъ у насъ всю зиму, а какъ пришли теплые весенніе деньки, какъ зазеленѣла первая травка, проснулись первыя насѣкомыя, мы свезли ежа въ лѣсъ и выпустили его.

Ежикъ обнюхалъ воздухъ, травку и тихо побрелъ отъ насъ, похрюкивая и пыхтя. Даже не оглянулся, а намъ грустно было смотрѣть, какъ онъ потихоньку уходитъ отъ насъ все дальше и дальше, пока совсѣмъ его не скрыла отъ насъ зеленая молодая травка и кусты, покрывшіеся свѣжими, яркими листочками.

Е. Горбунова.

Иква, — эскимосскій мальчикъ.

Вотъ Иква, маленькій эскимосскій мальчикъ. Ему десять лѣтъ.

Иква маленькаго роста, и всѣ эскимосы тоже небольшіе. Его кожа желтая, а волосы черные.

Онъ живетъ въ холодной землѣ. Тамъ никогда не бываетъ такого лѣта, какъ у насъ. Тамъ такъ холодно, что деревья и трава совсѣмъ не растутъ. Когда придетъ лѣто, дни станутъ длинные-длинные, а ночей совсѣмъ нѣтъ. Снѣгъ кое-гдѣ стаетъ и будетъ виденъ жесткій мохъ, камни да кое-гдѣ тощая травка.

Иква никогда не моется. Онъ мажетъ лицо жиромъ. Отъ этого его лицо блеститъ и не такъ мерзнетъ на морозѣ.

Иква очень тепло одѣвается. У него два платья изъ оленьяго мѣха. Нижнее платье онъ надѣваетъ мѣхомъ къ тѣлу, а верхнее мѣхомъ наружу.

Отецъ Иквы охотится на бѣлыхъ медвѣдей, моржей и тюленей. Они ѣдятъ ихъ мясо. Изъ шкуръ ихъ они дѣлаютъ себѣ платье.

Мать Иквы шьетъ имъ всѣмъ платья. Къ платью

она пришиваетъ чепчикъ. Когда холодно, Иква надѣваетъ этотъ чепчикъ на голову.

Мать сдѣлала Иквѣ чулки изъ птичьихъ шкурокъ, мягкимъ пухомъ внутрь, къ ногѣ. На

Мать Иквы, съ его маленькой сестренкой за спиной.

эти чулки онъ надѣваетъ сапоги изъ тюленьей шкуры.

У матери Иквы къ платью пришиты два капюшона. Одинъ капюшонъ она надѣваетъ себѣ на го-

Зимній домъ Иквы.

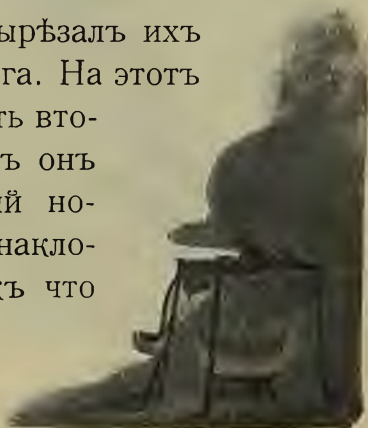
лову, а въ другой кладетъ маленькаго брата Иквы. Его не нужно кутать въ теплыя одѣяльца, потому что капюшонъ на подкладкѣ. Подкладка сдѣлана изъ теплой, пушистой птичьей шкурки.

Отецъ и братъ Иквы запрягаютъ собакъ, увязываютъ на саняхъ свое имущество, чтобы переѣхать на лѣто жить на новсе мѣсто.

Отецъ Иквы готовитъ на зиму домъ. Когда Иква подросъ, отецъ позвалъ Икву, чтобы онъ ему помогаль строить домъ. Сначала они вырыли въ снѣгу кругъ такой величины, какой будетъ ихъ домъ.

По этому кругу отецъ сталъ ставить большія глыбы снѣгу. Онъ вырѣзалъ ихъ изъ твердаго смерзшагося снѣга. На этотъ рядъ глыбъ онъ началъ ставить второй, а на второй третій. Такъ онъ строилъ стѣны дома. Каждый новый рядъ онъ немного наклонялъ къ срединѣ круга, такъ что стѣна дома была не прямая, а круглая, и домъ вышелъ похожъ на половину яйца.

Печка въ домѣ Иквы.

Иква и его братъ заливали водой щели между снѣжными глыбами. Вода замерзала, и въ щели не

Лѣтній домъ Иквы.

дуло. Потомъ они взяли свои лопаты и стали засыпать домъ снѣгомъ. Лопаты ихъ сдѣланы изъ костей.

Отецъ Иквы въ лодкѣ.

Иква бросилъ полную лопату снѣга въ своего брата, а самъ побѣжалъ. Братъ бросился за нимъ, догналъ его и опрокинулъ въ снѣгъ. Какъ они оба смѣялись!

У Иквы въ домѣ только одна комната.

Вмѣсто окна сдѣлана дыра надъ выходомъ. Стекла въ ней нѣтъ. Отецъ Иквы затянулъ ее тонкой кожей.

Отецъ позвалъ Икву, чтобы онъ шелъ съ нимъ въ новый домъ работать.

Входъ въ домъ такой низкій, что они поползли на четверенькахъ. На голову они надѣли капюшоны, чтобы не задѣть затылкомъ о холодный потолокъ.

Комната въ домѣ низкая, чуть-чуть не задѣваетъ отецъ Иквы головой о потолокъ. Иква снялъ свою верхнюю одежду.

Онъ ходитъ только въ одной одеждѣ въ комнатѣ. Отецъ и Иква стали работать. Они сдѣлали изъ снѣга скамью кругомъ всей комнаты. Ее покрыли шкурами. На ней отецъ, мать и Иква съ братьями и сестрами будутъ спать.

Посреди комнаты поставили площадки съ жиромъ. Въ немъ лежитъ фитиль изъ мха. Вотъ какая печка у Иквы! Она грѣетъ

его комнату и освѣщаетъ ее. Это зимній домъ Иквы. Лѣтомъ онъ живетъ въ палаткѣ. Ее покрываютъ кожами звѣрей.

Иква и его родные никогда не видали ни лошадей, ни коровъ. У нихъ есть только нѣсколько собакъ. Собакъ Иква кормитъ рыбой и мясомъ. Когда семья Иквы собирается перебираться куда-нибудь

Когда Иква подростъ, отецъ подарилъ ему собаку. Иква самъ заботится о ней, кормитъ ее, самъ ее запрягаетъ и мчится на ней стрѣлой въ своихъ маленькихъ, легонькихъ санкахъ.

на другое мѣсто, они запрягаютъ въ легкія санки нѣсколько собакъ и мчатся по снѣжному полю или по мхамъ.

Въ море отецъ Иквы выѣзжаетъ въ лодкѣ, сдѣланной изъ костей и обтянутой шкурой тюленя. Иква тоже умѣетъ ловко управлять этой лодочкой и быстро-быстро ѣдетъ въ ней, управляя однимъ весломъ.

Иква никогда не видалъ ни дерева, ни кустика, ни высокой густой травы, ни яркихъ цвѣтовъ. Передъ его домикомъ раскинулась лужайка изъ сѣровато-зеленыхъ мховъ, блѣдной травки, да кое-гдѣ въ травѣ и мхахъ прячутся мелкіе цвѣточки. Но зато какъ радуются имъ Иква и его братья!

Открыта подписка на 1909 годъ
на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ
для СОЗНАТЕЛЬНОГО ДѢТСКАГО ЧТЕНІЯ

== „МІРОКЪ“ ==

(8-й годъ изданія).

Программа журнала: Жизнь въ любви и правдѣ Божіей. Очерки, рассказы, сказки, притчи, басни, легенды и стихотворенія. Что мы видимъ вокругъ себя въ природѣ. Жизнь и нравы животныхъ. Изъ жизни разныхъ странъ и народовъ. Путешествія и приключенія. Друзья челоѳчества — люди науки, искусства и литературы. Историческіе очерки и рассказы. Дѣтскія общества и союзы въ Россіи и за границей. Полезные совѣты учащимся. Ручной трудъ. Игры комнатныя и на открытомъ воздухѣ. Веселыя странички.

ЦѢНА съ пересылкой **ОДИНЪ** рубль въ годъ. Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Москва, Петровскія линіи, контора Н. Н. Печковской. Оставшіеся комплекты журнала „Мірокъ“ за 1906, 1907 и 1908 гг. высылаются съ наложеннымъ платежомъ по **1 р. 20 к.**

Ред.-изд. *А. П. Печковскій.*

Ред. *Вл. А. Поповъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1909 годъ.

Таврическій Народный Учитель

(третій годъ изданія)

будетъ выходить два раза въ мѣсяць (кромя іюня и іюля).

Подписная цѣна за годъ 2 р., за полгода 1 р.

Адресъ: г. Симферополь, въ редакцію журнала „Таврическій Народный Учитель“.

Журналъ ставитъ своей задачей освѣщеніе условий учительскаго труда, содѣйствіе объединенію учащихся и разработку вопросовъ народнаго образованія въ цѣляхъ осуществленія въ странѣ народной школы на строго научныхъ основахъ и улучшенія положенія учительства, какъ въ правовомъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи.

Съ 1909 года, кромѣ корреспонденцій изъ Таврической губерніи, будетъ отведено особое мѣсто для освѣщенія школьнаго дѣла Екатеринославской губерніи.

Экземпляры журнала 1908 года съ приложеніями высылаются за 2 рубля.

Редакція.

Открыта подписка на 1909 годъ
на ежемѣсячный дѣтскій иллюстрированный журналъ

XXVI ГОДЪ

ИГРУШЕЧКА

XXVI ГОДЪ

школьного возраста.

Журналъ „Игрушечка“ допущенъ Учен. Комит. при Свят. Синодѣ, Учен. Комит. Министер. Народн. Просв. и Комит. Собств. Е. И. В. Канцел. по Учрежд. Императрицы Маріи къ приобретению въ библиотеки.

При журналѣ „Игрушечка“ существуетъ **особый** отдѣлъ

XXI ГОДЪ

ДЛЯ МАЛЮТОКЪ

XXI ГОДЪ

дошкольного возраста (12 кв. въ годъ).

Особой подписки на отдѣлъ „Для Малютокъ“ нѣтъ.

По случаю исполняющагося 3 февраля 1909 г. XXV-лѣтія „Игрушечки“, подписчики получаютъ въ видѣ бесплатнаго приложенія иллюстрированный сборникъ съ портретами и автографами сотрудниковъ, принимающихъ и принимавшихъ участіе съ самаго его основанія (1880 г.). Подписавшіеся съ отдѣломъ „Для Малютокъ“, кромѣ юбилейнаго сборника, получаютъ руководство для занятій съ маленькими дѣтьми: вырѣзываніе, выкалываніе, шитье по шаблонамъ разныхъ игрушекъ и другія занятія.

Годовая подписная цѣна: „Игрушечка“ съ дост. и перес. въ Россіи съ однимъ прилож. 3 р. „Игрушечка“ съ перес. за границу съ однимъ приложеніемъ 5 р. „Игрушечка“ съ отд. „Для Малютокъ“ съ дост. и перес. въ Россіи и двумя безпл. прилож. 5 р. „Игрушечка“ съ отд. „Для Малютокъ“ съ пер. за границу и двумя безпл. прилож. 7 р.

Подписка принимается: въ главной конторѣ журн. „Игрушечка“: С.-Петербургъ, Верейская, 23, и въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, „Новаго Времени“, а также во всѣхъ глав. магазинахъ С.-Петербурга, Москвы, Одессы, Кіева, Казани, Харькова и другихъ городовъ. *А. Н. Пыикова-Толмичева.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1909 ГОДЪ

на ежемѣсячный общественно-политическій журналъ

СОЮЗЪ ЖЕНЩИНЪ.

(3-й ГОДЪ ИЗДАНИЯ).

Журналъ посвященъ вопросамъ, связаннымъ съ борьбою за равноправіе женщинъ и улучшеніе ихъ матеріальнаго, культурнаго и правового положенія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: С. В. Авикинъ, П. Н. Арианъ, О. В. Безобразова, С. Г. Берединовъ, О. В. Верви, М. Е. Бландова, А. Г. Богдановская, Р. Р. Бодуанъ-де-Куртенэ, проф. И. А. Бодуанъ-де-Куртенэ, С. И. Бондаревъ, М. А. Вейсбейнъ, Э. О. Вахтерова, В. П. Вахтеровъ, В. В. Водовозовъ, О. А. Волькенштейнъ, проф. В. М. Гессенъ, Н. А. Гольцева, Е. А. Гончарова, Л. Я. Гуревичъ, прив.-доц. А. И. Елистратовъ, З. Н. Журавская, прив.-доц. А. В. Завадскій, С. К. Исполатова, А. А. Кальмановичъ, М. В. Кечеджи-Шаловаловъ, В. А. Кильчевскій, О. Н. Клирикова, проф. М. М. Ковалевскій, О. Е. Корниловичъ, Г. А. Ландау, проф. Ф. Левенсонъ-Лессингъ, Л. Н. Ленская, А. В. Лучинская, Е. П. Лѣткова, А. С. Милюкова, П. Г. Мижуевъ, Н. Миревичъ, М. М. Моргулиевъ, В. М. Невѣжина, Н. Пальчинская, проф. М. Я. Пергаментъ, проф. Л. І. Петражицкій, Л. Д. Писаржевская, В. В. Португаловъ, В. А. Поссе, М. Роговичъ, Л. Н. Рутцевъ, А. Н. Рутцевъ, С. С. Садовская, Н. А. Сквордовъ, В. Ф. Тотоміанъ, А. В. Тыркова (Вергескій), С. А. Тюрбертъ, Г. А. Фальборкъ, А. П. Философова, проф. В. М. Хвостовъ, А. М. Хирьяковъ, Е. М. Чарнолуская, В. И. Чарнолускій, Н. В. Чеховъ, С. А. Шабадъ, З. Шадурская, О. А. Шапиръ, Л. Шейнисъ, Е. Н. Щепкина, Н. Н. Щепкинъ и др.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, выпусками отъ 1½ до 2 листовъ большаго формата (48—96 столб., 3—6 общн. журналн. листовъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой: на годъ 2 р. 50 к., на полгода 1 р. 50 к. **Подписка принимается** въ редакціи журнала: С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. 84, кв. 9. Ред.-взд. *М. А. Чехова.*

Открыта подписка на 1909 годъ

на единственный вегетарианскій журналъ въ Россіи

ВЕГЕТАРИАНСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

„Вегетарианское Обозрѣніе“ выходитъ 15 числа каждаго мѣсяца, за исключеніемъ іюня и іюля, 10 разъ въ годъ.

Программа журнала: 1) Статьи оригинальныя и переводныя по вопросамъ вегетарианства. 2) Популярно-научныя сообщенія о вегетарианскомъ режимѣ. 3) Хроника вегетарианскаго движенія въ Россіи и за границей. 4) Переводы, рефераты и извлечения изъ интернаціональной вегетарианской литературы. 5) Внутренняя и заграничная корреспонденція (въ предѣлахъ программы). 6) Сообщенія о вегетарианскихъ трудовыхъ колоніяхъ и санаторіяхъ естественнаго метода леченія. 7) Художественная литература: небольшіе рассказы, стихотворенія, фельетоны и стихотворенія въ прозѣ. 8) Біографія и некрологи съ портретами выдающихся вегетарианскихъ дѣятелей. 9) Статьи по исторіи интернаціональнаго вегетарианскаго движенія. 10) Статьи, сообщенія и замѣтки по вегетарианскому кулинарному искусству съ указаніемъ „меню“ для стола и способа приготовления блюдъ. 11) Библіографія и критика. 12) Смѣсь. 13) Вопросы и отвѣты, касающіеся вегетарианства. 14) Редакціонныя сообщенія. 15) Объявленія.

Въ составъ постоянныхъ сотрудниковъ вошли: *Θ. Р. Германъ* (Москва), *А. Д. Георгіевъ* (Ямполь), зубной врачъ *И. А. Германскій* (Одесса), д-ръ мед. *А. П. Зеленковъ* (Рига), *А. С. Зоновъ* (Москва), д-ръ мед. *А. О. Карницкій* (Кіевъ), *Ив. Наживинъ* (Москва), *Иос. Перперъ* (Кишиневъ), *С. О. Порперъ* (Павія, Италия), *Исаеогореевъ* (псевдон., Кишиневъ), *М. М. Пудавовъ* (Кіевъ), Старый вегетарианецъ (псевд., Кишиневъ), врачъ *Б. Х. Хасилевъ* (Кишиневъ), *М. Д. Хове* (Петербургъ), членъ Германскаго Вегетарианскаго Союза (псевдон., Кишиневъ), *Е. И. Шульцъ* (Москва), д-ръ мед. *А. А. Ясиновскій* (Одесса), проф. Спб. университета *А. И. Воейковъ* и др.

Журналъ выходитъ съ иллюстраціями.

Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою: на годъ 2 руб. 50 коп. Безъ доставки 2 руб. За границу 3 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 1 руб. 25 коп. и къ 1 мая 1 руб. 25 коп. Для подписавшихся безъ доставки 1 руб. и къ 1 мая 1 руб. Цѣна отдѣльнаго № 25 коп. Пробный № высылается за 4 семикоп. марки. Подписка принимается: въ конторѣ редакціи и во всѣхъ больш. книжн. магазинахъ. Контора и редакція: г. Кишиневъ, Подольская, уг. Синадиновской.

Издатель *И. О. Перперъ*.Редакторъ *М. О. Перперъ*.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1909 Г. 2-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ НА ЖУРНАЛЪ

„Вѣстникъ Курортовъ и Лѣчебныхъ Учрежденій“.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками въ 1½—2 печатныхъ листа, по слѣдующей программѣ: 1) Статьи, рефераты и замѣтки по бальнеотерапіи, климатотерапіи, фізіотерапіи и діететикѣ. 2) Описаніе курортовъ, лѣчебныхъ заведеній, санаторій, больницъ и другихъ лѣчебныхъ учрежденій Россіи и за границей. 3) Курортная жизнь: хроника и мелкія извѣстія. 4) Корреспонденціи и письма изъ русскихъ и заграничныхъ курортовъ. Библіографія, критика и новыя книги. 5) Отчеты ученыхъ Обществъ, съездовъ и выставокъ по бальнеотерапіи и т. д. 6) Смѣсь. 7) Виды, рисунки и планы курортовъ и лѣчебныхъ учрежденій, а также портреты, имѣющихъ къ нимъ отношеніе лицъ. 8) справочныя свѣдѣнія. 9) Запросы и отвѣты. 10) Почтовый ящикъ. 11) Объявленія.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой на годъ 2 р. 40 к., на ½ года 1 р. 30 к. и ¼ года 70 к. Отдѣльная книжка 25 к. Пробная книжка будетъ высылаться интересующимся журналомъ за двѣ 7 коп. марки. Новыя подписчики могутъ получить годов. экзempl. журн. за 1908 г. за 1 р. 60 к.

Редакція и контора журнала помѣщаются въ Харьковѣ, Николаевск. пл., 7.

Редакторъ-издатель д-ръ *М. Шлятошниковъ*.

Открыта подписка на 1909 годъ.

(20-й годъ изданія. Основатель Я. Г. Гуревичъ).

на общепедагогическій журналъ для учителей и дѣятелей по на-
родному образованію

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

Программа журнала: Общіе вопросы образованія и воспитанія. Реформа школы. Экспериментальная педагогика, психологія, школьная гигиена. Методика преподаванія различныхъ предметовъ. Исторія школы. Обзоры новѣйшихъ теченій въ области разныхъ наукъ. Дѣятельность госуд. и обществ. учреждений по народн. образованію (Гос. Думы, земствъ и пр.). Народное образованіе за границей. Низшая и средняя школа въ Россіи. Вопросы націон. школы разл. народовъ Россіи. Профессиональное образованіе. Женское образованіе. Внѣшкольное образованіе.

Кромѣ статей по означ. программѣ, журналъ даетъ слѣдующіе постоянные отдѣлы: I. Экспериментальная педагогика, подъ ред. А. П. Нечаева. II. Критика и библіографія, обзоры педагогич. и дѣтск. журналовъ. III. Хроника народнаго образованія на Западѣ. IV. Хроника національной школы разл. народовъ Россіи. V. Хроника библіотечнаго дѣла. VI. Хроника народнаго образованія въ Россіи. VII. Хроника профессиональнаго образованія. VIII. Хроника внѣшкольнаго образованія. IX. Замѣтки изъ текущей жизни. X. Разныя извѣстія. XI. Новѣйшія правительственныя распоряженія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

Н. Я. Абрамовичъ, Х. Д. Алчевская, Г. Аграевъ, Ц. П. Балталонъ, проф. И. А. Водуанъ-де-Куртенэ, И. А. Бѣлозерскій, И. П. Бѣлоконскій, В. П. Вахтеровъ, прив.-доц. Б. Вейнбергъ, д-ръ А. С. Виреніусъ, Е. М. Гаршинъ, проф. И. М. Гревсъ, А. Г. Готлибъ, Я. Я. Гуревичъ, Л. Я. Гуревичъ, А. Гуревичъ, К. Деруновъ, И. Житецкій, проф. П. А. Заболотскій, А. Заксъ, С. Золотаревъ, Г. Г. Зоргенфрей, проф. Д. Н. Кайгородовъ, П. О. Каптеревъ, проф. Н. И. Карѣевъ, Н. Казанцевъ, В. А. Келтуяла, Н. М. Книповичъ, Н. И. Коробко, И. И. Лапшинъ, Б. Лезинъ, М. К. Лемке, проф. П. Ф. Лесгафтъ, Э. Ф. Лесгафтъ, А. Липовскій, А. А. Локтинъ, Э. Лямбекъ, О. Макаровъ, П. Г. Мижуевъ, А. Мезіеръ, А. Музыченко, А. П. Налимовъ, прив.-доц. А. П. Нечаевъ, Ф. Ф. Ольденбургъ, Л. Г. Оршанскій, А. Н. Острогорскій, Ф. И. Павловъ, проф. А. Л. Погодинъ, С. Н. Поляковъ, В. Л. Розенбергъ, Г. Роковъ, Н. А. Рубакинъ, Е. Рѣпина, С. Ф. Русова, С. И. Сазоновъ, проф. И. А. Сикорскій, С. И. Симоновъ, Л. С. Севрукъ, проф. Ир. П. Скворцовъ, А. О. Соколовъ, Н. М. Соколовъ, А. Стаховичъ, Ем. Стратоновъ, М. И. Страхова, М. А. Тростниковъ, Н. Томилинъ, К. А. Тюлеліевъ, В. И. Чарнолускій, Н. В. Чеховъ, В. И. Фармаковскій, В. А. Флеровъ, С. И. Шохоръ-Троцкій, Н. Шохоръ-Троцкая, А. Яцимирскій и др.

„Русская Школа“ выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе пятнадцати печ. листовъ (за май-июнь и июль-августъ — книжки двойного объема). **Подписная цѣна:** въ Спб. безъ доств.—7 р., съ дост.—7 р. 50 к., для иногороднихъ—8 р.; за границу—9 р. въ годъ. Для сельскихъ учителей, выписывающихъ журналъ за свой счетъ, 6 р. въ годъ, съ разсрочкою уплаты въ два срока. (При подпискѣ—3 р. и въ июль—3 р.). Городамъ и земствамъ, выписывающимъ не менѣе 10 экз., уступка въ 15%. Книжнымъ магазинамъ за комиссію 5% съ годовой цѣны. Подписка съ разсрочкой и услужкой принимается непосредственно въ конторѣ редакціи (С.-Петербургъ, Лиговская улица, д. № 1).

Золотая медаль на международнои выставкѣ „Дѣтскій Миръ“ въ 1904 году.

Редакторъ-издатель Я. Я. Гуревичъ.

Продолжается подписка на СЛУШАЙ, ЗЕМЛЯ!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Подписная плата: на годъ 2 р. 50 к., на полгода 1 р. 25 к., на 3 мѣс. 75 к. Отдѣльный № высылается за 7 к. марку. Подписной годъ 52 номера.

Плата за объявленія: за строку петита, или мѣсто занимаемое 20 к., страница 25 р., $\frac{1}{2}$ стран. 13 р., $\frac{1}{4}$ стран. 7 р.

Сотрудники: Али-Бей, С. Авикинъ, К. Афанасьевъ, И. А. Беневскій, Иона Брихничевъ, П. Г. Бугаковъ, П. Великановъ, И. И. Горбуновъ-Посадовъ, Максимъ Горькій, Серг. Ганшинъ, Ф. Дмитриевъ, Б. К. Енкенъ, И. Жилкинъ, К. Зоринъ, А. Колочій, В. Лашюковъ, Д. С. Мережковский, арх. Михаилъ, К. Милодовъ, Л. Мищенко, М. М. Мионовъ, И. Ф. Наживинъ, В. Назаровъ, Никаноровъ-Каринскій, Ив. Нѣжинцевъ, проф. И. Озеровъ, В. Д. Пововъ, Св. И. Сѣрышевъ, В. Т. Танъ, К. Татарашвили, М. Тихоплесець, А. М. Тютрюмовъ, В. Шатовъ-Печальный, Ф. Шкулевъ, Н. Г. Тушновъ, Н. Яковлевъ и др.

Задачи журнала: служить живымъ отраженіемъ текущей жизни, будить мысль, будить совѣсть и лучшія стороны души человѣческой, звать людей къ свѣтлымъ идеаламъ человѣчества, чутко откликаться на всѣ нужды и запросы трудящихся людей, отражать релігіозныя теченія въ русской народной жизни, вообщѣ служить любви, правдѣ и объединенію людей.

Адресъ редакціи и конторы: Царицынъ, Саратов. губ., Амурская (Кульгинскій взвозъ) 10.

Принимается передплата на рік 1909

на українську, політичну, економічну і літературну газету

(рік видання четвертий)

РАДА,

яка виходить у Києві щодня, окрім понеділків і днів після свят, українською мовою по програмі звичайнихъ великихъ політичнихъ газет.

Напрямок газети непартійний демократично-поступовий. Особливу увагу „Рада“ звертає на місцеве життя провінції. Власні кореспонденти въ столицях і по всіх значніших містах України. „Рада“ має в Державній Думі і Державній Раді кореспондентів Власних.

31-го января розмір газети поширюється. На рік 6 карб. Передплатники, які виплатять всі гроші (6 р.) за рік чи одразу, чи в розсрочку, можуть одібрати, доплативши 2 карб.

Додаток: М. Аркас: Історія України-Русі на веленому папері, багато ілюстрована (210 малюнків і портретів, 9 карт у фарбах, 4 родоводи), в розкішній оправі з аячійського коленкору оздобленій золотом. Книжка ця коштує з оправою і пересилкою в окремсму продажю 4 р. 75 к.

Ціна „Раді“ з приставкою і пересилкою в Росії: на рік 6, на 11 м.—5.70, на 10 м.—5.20, на 9 м.—4.75, на 8 м.—4.25, на 7 м.—3.75, на 6 м.—3.25, на 5 м.—2.75, на 4 м.—2.25, на 3 м.—1.75, на 2 м.—1.25, на 1 м.—65.

Пробні числа надсилаються даром. Адреса редакції і головної контори: у Києві, Велика-Підвальна вул., д. 6, біля Золотих Воріт. Телефон 1458.

Редактор М. Павловський.

Видавець Е. Чикаленко

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1909 Г. НА ЖУРНАЛЪ

„КРЕСТЬЯНСКОЕ ЗЕМЛЕДѢЛІЕ“

Органъ Спб. Центрального С.-Хозяйственного Общества, учрежденнаго мѣстными с.-хозяйственными обществами.

Задачей журнала является развитіе с.-хозяйственного самообразованія и распространеніе идей с.-хозяйственной кооперации среди крестьянскаго населенія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Анзимаровъ В., Бажаевъ В., Вонзблейнъ М., Гагемейстеръ Е., Гедда Д., Григоровъ Н., Данинъ Э., Дебу К., Джандіери И., Ершовъ С., Зайцевъ Л., Копыловъ П., Кочетковъ В., Кузницкій С., Кулыжный А., Лемусъ В., Недокучаевъ Н., Неклепаевъ И., Скалозубовъ Н. (Членъ Г. Д.), Тотоміанецъ В., Торгашевъ Б., Фридолинъ С., Черный А., Шуловъ И.

Журналъ выходитъ: зимою 2 раза въ мѣсяць, лѣтомъ—1 разъ; всего 20 номеровъ въ годъ.

Въ теченіе 1909 года будутъ даны слѣдующія бесплатныя приложенія: 1) С.-Хозяйственный календарь. 2) Руководство къ с.-х. самообразованію. 3) Руководство по удобренію почвъ. 4) Руководство по молочному хозяйству. 5) Образцы сѣмянъ. 6) Образцы искусственныхъ удобреній.

Цѣна въ годъ со всѣми приложеніями съ доставкой и пересылкой 1 р. 50 к.

Пробный номеръ бесплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій, 120, Редакціи журнала „Крестьянское Земледѣліе“.

Отвѣтственный редакторъ *Н. Борисовъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1909 ГОДЪ

на выходящій каждыя три мѣсяца научный журналъ

ВѢСТНИКЪ КООПЕРАЦИИ,

издаваемый Спб. Отдѣленіемъ Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ подъ общей редакціей профессора Туганъ-Барановекаго.

Цѣлью журнала является выясненіе теоретическихъ и практическихъ вопросовъ всѣхъ формъ кооперативнаго движенія, а также: систематизированіе и опубликованіе важнѣйшихъ матеріаловъ по исторіи и практикѣ кооперативнаго движенія въ Россіи и за границей.

Ближайшее участіе въ журналѣ принимаютъ:

С. В. Аникинъ, Н. Ф. Анненскій, прив.-доц. А. Н. Андѣферовъ, проф. В. Г. Бажаевъ, А. Н. Балакшинъ, А. А. Беретти, С. В. Бородаевскій, А. И. Браудо, А. А. Валаевъ, П. Валентиновъ, д-ръ Н. Васильевъ, В. П. Воронцовъ, С. Ф. Войцеховскій, Е. А. Гагемейстеръ, Д. М. Герценштейнъ, проф. Гусаковъ, А. В. Глѣбовъ, А. К. Голубевъ, В. Я. Гуревичъ, Н. П. Гибнеръ, Е. М. Дементьевъ, А. А. Евдокимовъ, М. С. Ермолаевъ, В. Н. Зельгеймъ, проф. А. А. Исаевъ, П. Н. Исаковъ, Н. К. Кабардивъ, проф. Н. А. Каблуковъ, С. А. Каблуковъ, И. Н. Квиль, М. В. Кечеджи-Шаповаловъ, В. И. Ковалевскій, Л. С. Козловскій, проф. В. А. Косинскій, В. Г. Котельниковъ, В. В. Краинскій, В. Красновъ, А. Е. Кулыжный, прив.-доц. М. А. Курчинскій, Ф. Н. Латернеръ, А. И. Латухинъ, Д. А. Лебедевъ, Н. В. Левитскій, проф. В. Ф. Левитскій, Э. Ленскій, Я. Ленская, Е. Д. Максимовъ, А. Р. Межинскій, А. А. Николаевъ, проф. И. Х. Озеровъ, Р. Оленинъ, В. Ф. Пекарскій, В. А. Перелешинъ, В. А. Поссе, С. Н. Прокоповичъ, Н. А. Рейтлингеръ, В. В. Святловскій, П. А. Салдыринъ, М. Танинъ, Г. Э. Тиграновъ, Б. П. Торгашевъ, В. Э. Тотоміанецъ, проф. М. И. Туганъ-Барановскій, проф. А. Ф. Фургуатовъ, М. Л. Хейсанъ, И. А. Эрндорфъ-Куиферъ, проф. В. Г. Яроцкіи.

Подписная плата съ доставкой и пересылкой на годъ 4 руб. Цѣна книжки въ отдѣльной продажѣ 1 руб. Подписка принимается въ конторѣ и редакціи журнала: С.-Петербургъ, Невскій, 120.

Съ января мѣсяца 1909 г.

въ г. Москвѣ выходитъ въ свѣтъ первый въ Россіи, специальный, посвященный биржевому артельному дѣлу, двухнедѣльный журналъ

„Биржевой Артельщикъ“

издаваемый соединенною группою артельщиковъ С.-Петербургскихъ и Московскихъ артелей.

Этотъ журналъ будетъ служить слѣдующимъ задачамъ: собирать артельщиковъ всѣхъ биржевыхъ артелей подъ однимъ знаменемъ; указывать на всѣ нужды артельщиковъ и на пути ихъ удовлетворенія; способствовать поднятію благосостоянія биржевыхъ артельщиковъ; бороться противъ произвола, протекціонизма и самовластия какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и правящихъ кружковъ въ артеляхъ.

Журналъ будетъ являться защитникомъ интересовъ мелкаго артельщика-труженика, забытаго и запуганнаго. Особое вниманіе окажется при этомъ „Довѣренными“ Московскихъ артелей и „Новикамъ“ С.-Петербургскихъ.

Кромѣ статей по указанной программѣ, постоянными отдѣлами журнала будутъ слѣдующіе: 1) Биржевыя артели въ Россіи и за границей: историческія и статистическія свѣдѣнія, постановка дѣла, мѣста службы и т. д. 2) Артельная жизнь. Отношенія артелей между собою, образованіе союза артелей. 3) Текущая дѣятельность артелей. 4) Вѣсти изъ провинціи и сибирскія письма—корреспонденціи артельщиковъ (на этотъ отдѣлъ будетъ обращено большое вниманіе). 5) Хроника артельныхъ происшествій. 6) Фельетонъ—разказы, очерки и замѣтки изъ жизни артельщиковъ. 7) Распоряженія и циркуляры по артелямъ. 8) Артельные отчеты и коммунтаріи къ нимъ. 9) Организационный отдѣлъ: обмѣнъ мнѣній по выработкѣ и улучшенію артельнаго устава, учрежденію при артеляхъ или общеартельныхъ взаимно-вспомогательныхъ и пенсіонныхъ кассъ, страховыхъ и кредитныхъ капиталовъ, стипендій при училищахъ, собственныхъ училищъ и проч. и проч. 10) Отдѣлъ справочный и юридическій. Отвѣты на вопросы подписчиковъ, юридическіе совѣты по дѣламъ артельной практики. Справки о свободныхъ мѣстахъ, требованіяхъ на мѣста и о желаніяхъ перемѣненія. 11) Спросъ и предложеніе артельнаго труда: свѣдѣнія о вкупкахъ въ С.-Петербургскихъ артеляхъ и продажахъ мѣстъ въ Московскихъ; о лицахъ, желающихъ поступить на службу въ артели. 12) Объявленія.

Вниманіе „Биржевого Артельщика“ одинаково будетъ обращено какъ на С.-Петербургскія, такъ и на Московскія артели. Провинціальныя биржевыя артели, равно какъ артели и вновь образуемая, точно такъ же найдутъ себѣ на страницахъ журнала мѣсто на ряду со столичными.

Во многихъ городахъ, гдѣ сосредоточено большое количество артельщиковъ, редакція журнала имѣетъ своихъ представителей, имена ихъ и адреса будутъ въ журналѣ сообщены.

„Биржевой Артельщикъ“ будетъ выходить 10-го и 25-го числа каждаго мѣсяца книгами образца отчетовъ одной изъ С.-Петербургскихъ артелей.

Подписная цѣна за годъ за 24 книги 7 руб., за 1/2 г. за 12 книгъ 4 руб. Подписныя деньги и всякаго рода корреспонденцію слѣдуетъ направлять по адресу: Москва, редакція журнала „Биржевой Артельщикъ“, Коммерческій ящикъ № 773.

Редакція и контора: Москва, Кулаковская наб., д. Чекалина (у Чугуннаго моста).

Отвѣтственный редакторъ-издатель *А. Кудрявецъ*.

ИЗДАНИЯ

„БИБЛИОТЕКИ СВОБОДНАГО ВОСПИТАНІЯ и ОБРАЗОВАНІЯ
и ЗАЩИТЫ ДѢТЕЙ“.

Подъ редакціей И. Горбунова-Посадова.

ИЗБРАННЫЯ МЫСЛИ Л. Н. Толстого о воспитаніи и образованіи. Со статьею И. Горбунова-Посадова: „Что внесъ Л. Н. Толстой въ разрѣшеніе вопроса о воспитаніи и образованіи“. Ц. 25 к.

НОВАЯ ШКОЛА. Эльсландера. Съ французск. Е. Юргенсъ. Ц. 30 к.

ЧТО РАЗСКАЗЫВАЛЪ ДЯДЯ-ДОКТОРЪ МАЛЬЧИКУ-ПЛЕМЯНИКУ. (Первоначальныя свѣдѣнія о половой жизни.) Доктора М. Океръ-Блома. Переводъ съ французск. Е. И. Попова. Ц. 15 к.

Л. Н. ТОЛСТОЙ, КАКЪ ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ. Эрнеста Кросби. Изданіе 2-е, Ц. 40 к. Содержаніе: Школа въ Ясной Полянѣ.—Драки въ школѣ.—Наказанія.—Разказы.—Свобода, равенство и братство.—Методы обученія.—Спрашиваніе уроковъ и экзамены.—Исторія.—Другіе уроки.—Поздвѣйшіе взгляды Толстого.—Американскій опытъ.—Толстой у себя дома.—Педагогія (наука о способахъ наказанія).—Истинное и ложное образованіе.

КАКЪ СОЗДАТЬ СВОБОДНУЮ ШКОЛУ. (Домъ свободнаго ребенка.) К. Н. Вентцеля. Изд. 2-е, дополненное. Ц. 25 к.

СОВРЕМЕННОЕ ВОСПИТАНІЕ И НОВЫЕ ПУТИ. По Эльсландеру составилъ М. Клечковскій. Изд. 2-е. Ц. 40 к.

ВОСПИТАНІЕ, ОСНОВАННОЕ НА ПСИХОЛОГІИ РЕБЕНКА. П. Лакмба. Съ французскаго Е. Юргенсъ. Ц. 30 к.

ОСВОБОЖДЕНІЕ РЕБЕНКА. К. Н. Вентцеля. Ц. 10 к.

БОРЬБА ЗА СВОБОДНУЮ ШКОЛУ. Состав. К. Н. Вентцель. Ц. 85 к.

ШКОЛА И ОБЩЕСТВО. Профессора педагогикѣ Джона Дьюи. Переводъ съ англійскаго. Съ рисунками. Ц. 30 к.

ДѢТИ—РАБОТНИКИ БУДУЩАГО. Первая книжка московскаго общества „Сетлементъ“. Ц. 55 к. Содержаніе: I. Новая общественная работа. А. Зеленко.—II. О районѣ дѣятельности „Сетлементъ“. Н. Казимирова.—III. Дѣти—работники будущаго. С. Шацкаго.—IV. Итоги анкеты дѣтскихъ клубовъ „Сетлементъ“. Н. Казимирова.

КЛУБЫ МАЛЬЧИКОВЪ ВЪ СТОКГОЛЬМѢ. Составилъ С. Орловскій. Ц. 15 к.

ВЪ ШКОЛЬНОЙ ТЮРЬМѢ. Исповѣдь ученика. С. Н. Дурылина. Ц. 15 к.

ПЕРВЫЙ ЭКЗАМЕНЪ. Драматическая идиллія. А. Б. Петрищева. Ц. 10 к.

ЦѢПИ НЕВИДИМАГО РАБСТВА. К. Н. Вентцеля. Ц. 5 к.

ДѢТИ ПРОЛЕТАРИАТА. Отто Рюле. Переводъ съ нѣмецкаго М. В. Веселовской. Съ предисловіемъ Ю. А. Веселовскаго. Ц. 30 к.

ТРАГЕДІЯ ДѢТСКОЙ ДУШИ. Ю. А. Веселовскаго. Очерки. Содержаніе: Жертвы холоднаго и жестокаго обращенія.—Вліяніе дурнаго примѣра и порча дѣтской души.—Сироты, не носящія траурнаго вѣдья.—Голодныя и забытыя дѣти.—Трагедія школьнаго міра.—Мечты о новомъ воспитаніи. Ц. 55 к.

ДѢТСКАЯ СТРАДА. Педагогическіе очерки. В. Ермилова. Ц. 20 к.

ДѢТСКАЯ ДУША. (Въ кадетскомъ корпусѣ.) Разказъ Поля Маргеритъ. Переводъ М. В. Веселовской. Ц. 15 к.

ОБЯЗАННОСТЬ МАТЕРИ. (О половой педагогикѣ). С. Штиль. Переводъ съ нѣмецкаго В. Дѣловой. Ц. 20 к.

СТОЛѢРНЫЙ РУЧНОЙ ТРУДЪ. Краткое руководство къ педагогической постановкѣ работъ изъ дерева въ общеобразовательной школѣ и семьѣ. Отто Саломона. Перев. со шведск. Е. Соломина. Съ рис. и таблицами. Ц. 45 к.

Во всѣ изданія „Свободнаго Воспитанія“ можно выписывать изъ главнаго еклада изданій „Свободнаго Воспитанія“ (Москва, Арбатъ, д. Тѣстовыхъ, И. И. Горбунову), изъ книжнаго магазина „Посредникъ“ (Москва, Петровскія линіи), и изъ всѣхъ другихъ книжныхъ магазиновъ.